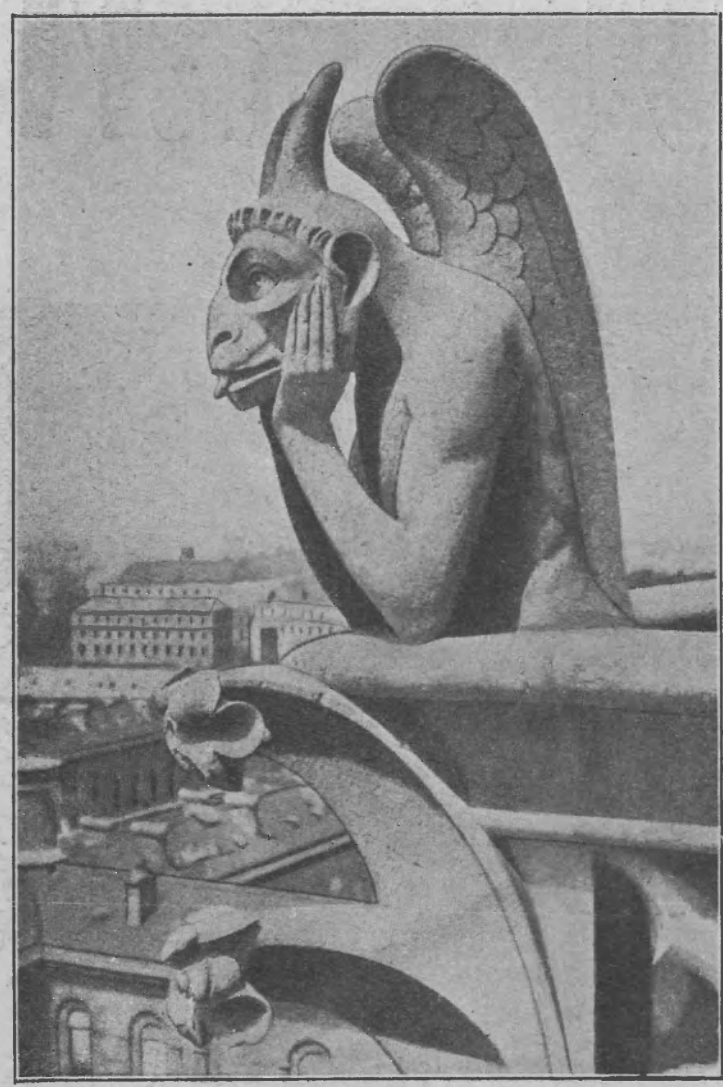
ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

914 N 7

ЛИТЕРАТУРНО - ПОЛИТИЧЕСКІЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ.

Цѣна 10 к., на станц. ж. д.—12 к.



ДЕНЬ ВСѢХЪ СВЯТЫХЪ.

Статья **Ан. Чеботаревской.**

Отсюда вижу тебя, дорогой Парижъ, городъ единственный для всѣхъ, кто жилъ въ немъ, разъ полюбивъ его навсегда—любовью единственной и вѣчной. Вижу сѣрые фасады благородныхъ зданій лѣвобережной Сены, вижу рѣку, зеленоватую отъ осенней сырости, вижу легкій туманъ надъ ранними ноябрьскими сумерками. Но почему на улицахъ такъ странно тихо, такъ странно немноголюдно? Не слышно автобусовъ экипажей, совсѣмъ не видно мужчинъ. И тихо-тихо, точно въ церкви? Женщинъ я вижу, много женщинъ въ темныхъ, скромныхъ одѣяніяхъ, несущихъ въ рукахъ, словно жезлы, вѣтви золотистыхъ хризантемъ. Онѣ идутъ всѣ, молодыя и старыя, по направленію къ окраинѣ—вѣдь сегодня День Всѣхъ Святыхъ! Женщины въ темныхъ одѣяніяхъ, молодыя и старыя, подобныя монахинямъ, идутъ молиться... идутъ къ могиламъ павшихъ героевъ, братьевъ, сыновей, чьи руки сжимали ихъ еще недавно въ послѣднемъ объятьѣ, къ чьимъ губамъ ихъ губы прильнули—о, еще такъ недавно!—послѣднимъ, безмолвнымъ поцѣлуемъ. Какъ прекрасенъ этотъ «хоръ» женщинъ, стройныхъ, одѣтыхъ въ темное,—иныя съ дѣтьми на рукахъ,—идущихъ поклониться незабвеннымъ могиламъ возлюбленныхъ на землѣ и на небѣ. Вотъ пришли, уронили золотистыя вѣтви, подобныя жезламъ, на темную, сумрачную землю,—колѣна склонены, на устахъ молитва, а въ сердцѣ потокъ любви. И не разъ ужъ встрѣчали такъ же стойко женщины Парижа бѣды земныя, принимая бремя ихъ въ свои нѣжныя, но выносливыя руки. И безъ слезъ—гордая, стройная—встаетъ съ колѣнъ французская женщина, поднимаетъ высоко сына героя надъ незабвенной могилой и плетъ снова въ жизнь—къ дѣламъ милосердія и любви.

02788

Л. А. Бруни. „Солдатъ у костра".

Кончилась фамилія Вергилиныхъ.

Разсказъ **В. Брусянина.**

Какъ-то все нелѣпо это случилось, а не случись этого— былъ бы живъ маленькій черноглазый и черноволосый мальчикъ, котораго и папа, и мама, и бабушка называли Тимчикомъ.

Глупая деревенская дѣвка Авдотья погубила мальчика, и не стало Тимчика, и кончилась на немъ фамилія древняго дворянскаго рода Вергилиныхъ.

Слушайте же, что разсказала бабушка Тимчика, невысокаго роста, худенькая и такая печальная старушка.

...Жили мы въ казармахъ ...скаго пѣхотнаго полка... разумѣется, не въ казармахъ, гдѣ живутъ солдаты, а въ кирпичномъ большомъ двухъэтажномъ домѣ, который фасадомъ выходилъ въ старинный садъ, а въ саду росли березы, клены, липы и сосны. Квартира моего сына выходила окнами въ этотъ садъ. Рѣшетчатая изгородь отдѣляла садъ отъ большого и шумнаго проспекта, по которому только и ходили рабочіе да солдаты,—въ пригородѣ располагались наши казармы,—а по утрамъ на ...ское кладбище возили мимо нашего сада покойниковъ. Для дешевенькихъ покойниковъ было кладбище и дешевенькихъ покойниковъ возили мимо насъ: каждое утро немало дрогъ протянется мимо, и все покойники на нихъ и покойники, а иныхъ и на рукахъ носятъ, это—ужъ совсѣмъ безсребренники-покойники.

Сынъ мой, Валеріи—онъ капитаномъ служилъ въ ...скомъ полку и командовалъ ротой,—такъ вотъ бывало посмотритъ, какъ везутъ покойниковъ, и скажетъ:

— Какая невеселая у насъ улица: ходятъ сѣрые, сонные солдаты, рабочіе въ копоти, черные, да вотъ еще покойниковъ возятъ. Скучно какъ-то!

— Отчего же тебѣ скучно? — бывало спрошу я

Не поглядитъ на меня Валеріи мой и отвѣтитъ:

— А оттого и скучно, мама... Все думается, вотъ и меня повезутъ на дрогахъ на кладбище.

— Господь съ тобой, Валерчикъ! Да чего ты умирать-то собираешься? Отецъ твой семьдесятъ два года выжилъ, мнѣ скоро семьдесятъ стукнетъ, — долго проживешь, Богъ дастъ, и ты.

Какъ-то разъ онъ только разсмѣялся на эти слова и ничего не сказалъ. А потомъ—помолчалъ да и говоритъ:

— Мама, вы меня не понимаете... Ну, посмотрите!— и тычетъ пальцемъ на улицу.

Подошла я къ окну, отстранила кисейную занавѣску и смотрю. Валерій у одного окна сидитъ со стаканомъ кофе, а я къ другому подошла. Смотрю и вижу: идетъ дождь, ненастный такой, бываетъ это въ нашемъ климатѣ и въ маѣ... Ненастный дождь идетъ, на березкахъ только-только свѣженькіе листочки появились, а обвисли отъ сырости, какъ по осени. Булыжникъ на улицѣ мокрый, грязный. Какіе-то солдаты переходятъ улицу, вѣрно въ мелочную лавочку ходили, что напротивъ казармъ; рабочіе идутъ по панели, прячутъ головы въ воротники. Думаю, что же это Валеріи-то увидѣлъ особеннаго?

— Да что, говорю, на улицѣ-то?

— А вонъ... не видите!..

Гляжу еще немного и вижу: пара тощихъ лошадокъ въ черныхъ попонахъ тащутъ дроги похоронныя, а на дрогахъ— дешевенькій гробъ, въ свѣтло коричневую краску окрашенъ, и дешевенькій, весь измазанный да истертый, покровъ прикрываетъ гробъ. А за гробомъ двѣ женщины идутъ, а немного сзади нихъ—старичекъ... прихрамываетъ на правую ногу и все старается за гробомъ-то успѣть.

— Вотъ я такой смерти боюсь, мама. Понимаете?.. Умрешь, положатъ тебя въ гробъ... пусть хоть и въ дубовый, съ украшеніями разными... все равно... положатъ въ гробъ и повезутъ на кладбище вотъ въ этакое ненастное, скверное утро...

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

3835

Бельгійскій блиндированный автомобиль.

Замолчалъ мой Валерій и съ грустью глядитъ на улицу пенастную и на дешевенькій гробъ глядитъ, и на старичка... Тутъ ужъ я разсмѣялась: больше для того впрочемъ, чтобы развеселить сынка моего. Разсмѣялась и говорю:

— Валерочка, да вѣдь офицеровъ-то съ музыкой хоронятъ.

— Ну, а если я, мама, до старости не доживу, а заживо разложусь да въ отставкѣ умру?

— Голубчикъ,—говорю,—да ты академію кончилъ, генераломъ умрешь.

— Ну, а если этого не случится?.. Тогда что?..

Смотрю на него, думаю — шутитъ. Нѣтъ, не шутка въ глазахъ: безпокойные глаза и печальные. Хорошо, что этого разговора Анюточка не слышала (это—жена его). Очень ужъ она его любила.

Отошелъ мой Валерій отъ окна и говоритъ:

— Вотъ, мама, какъ капитанъ Струговъ умеръ... это я понимаю!.. Героемъ умеръ!

Въ японскую войну мой сынъ былъ младшимъ офицеромъ въ 13-й ротѣ, а ротнымъ былъ капитанъ Струговъ. Вмѣстѣ они и въ японской войнѣ участвовали. Нашъ ...скій полкъ не ходилъ на войну, а Струговъ и Валерій мой — охотниками, вмѣстѣ и уѣхали. Дѣйствительно капитанъ Струговъ героемъ умеръ. Японцы разгромили весь полкъ, знамя взяли. Вбѣжалъ японскій офицеръ на бугорокъ какой-то и русское знамя въ рукахъ держитъ, размахиваетъ имъ, а бугорокъ-то наши войска минировали. Точно-то я теперь и не разскажу, какъ все это было, не понимаю военныхъ минъ и прочаго... А только сынъ какъ будто такъ разсказывалъ. Струговъ-то ужъ и раненъ былъ, поднялся съ земли, да за офицеромъ, а сыну моему и кричитъ: „Валерій Александровичъ, если мнѣ не удастся отбить у японки знамя, взорвите, голубчикъ, мину!..“. Сказалъ такъ и побѣжалъ за японцемъ. Только видитъ Валерій мой — Струговъ ударомъ шашки свалилъ японца и знамя отнялъ, а тутъ на Стругова нѣсколько японцевъ разомъ, да на штыки его вверхъ и подняли со знаменемъ-то. Какъ приказалъ ротный, такъ и сдѣлалъ Валерій: нажалъ тамъ кнопку, что ли, какую или еще что сдѣлалъ — не запомнила я — а только взорвался бугорокъ этотъ, а вмѣстѣ съ бугоркомъ и японцевъ разорвало, и Стругова, и знамя. Не уцѣлѣло знамя полковое и въ руки японцамъ не попало... Знала я этого капитана Стругова, хорошій былъ, черный такой, съ грубымъ голосомъ, а жена у него была маленькая. Умерла и она. Царствіе имъ небесное. Вотъ часто бывало и вспоминалъ Валерій капитана Стругова, и въ это утро вспомнилъ.

— Вотъ, мама, и я хочу умереть такъ же!.. Чтобы ничего отъ меня не осталось, а остался только одинъ подвигъ... Понимаете? Не придется тогда разлагающійся трупъ мой класть въ какой-то гробъ и везти куда-то на кладбище вотъ въ этакое проклятое утро... а—трахъ!—и нѣтъ меня, а вмѣсто меня—память у потомства о капитанѣ Вергилинѣ, у котораго и могилы нѣтъ. Вотъ такъ умереть хорошо!

Оперся Валерій рукою въ подоконникъ, голову на руку положилъ и задумался, и молчитъ.

Помнится, когда Государь Императоръ манифестъ о войнѣ далъ, веселый такой прибѣжалъ Валерій мой изъ полка и кричитъ:

— Черезъ пять дней полкъ выступаетъ!

Ноги и руки у меня затряслись. Гляжу—и у Анюточки моей лица не стало. Сидѣла она у стола и Тимчика своего, черноглазаго, манной кашкой кормила. Веселая такая была, все мечтала—вотъ мужъ послѣ маневровъ отпускъ получитъ и поѣдутъ они въ Крымъ отдохнуть. Жили мы тогда въ казармахъ одни: я, Аничка и Тимчикъ, а Валерій въ лагеряхъ подъ Краснымъ стоялъ. Примчался домой и эту вѣсть принесъ. Подошелъ къ женѣ, весело такъ крикнулъ Тимчику: „Тимчура, черноглазая!“. Поцѣловалъ мальчика въ губы, а на губкахъ-то у него манная кашка пристала.—„Фу, кашей накормилъ папку!..“—А Анюточка опустила лицо и зарыдала. Не понравилось это Валерію, нахмурился онъ и говоритъ:

— Ну, ну!.. Анюта, а еще женой офицера называешься! А? Офицеръ въ походъ, а ты—въ слезы. Стыдно! Стыдно!

Крѣпко обнялъ Анюточку свою и крѣпко много разъ поцѣловалъ и въ губы, и въ щеки, и въ глаза. Осушилъ слезы своимъ поцѣлуемъ, а погомъ и меня крѣпко обнялъ, и тоже много разъ поцѣловалъ. Сижу у стола и крѣплюсь: ужъ больно жалко вдругъ стало мнѣ и Анюточку, и Тимчика. Сердце сразу вѣсть подало—останутся они сиротами. А тутъ вышло такъ, что мы съ Тимчикомъ остались въ сиротствѣ.

Какъ только полкъ двинулся въ походъ—и Анюточка моя за мужемъ: въ сестры милосердія записалась.

Отзываю я въ уголокъ сына и говорю:

— Валерій, уговори жену, чтобы осталась.

Блѣдный съ лица стоитъ Валерій и молчитъ.

— Какъ же можно оставлять Тимчика одного, я—слаба, того гляди умру.

Молчитъ Валерій мой и вижу я, сердцемъ своимъ материнскимъ чувствую—борется душа его и хочется уговорить жену, чтобы не ѣздила въ дѣйствующую армію, и не рѣшается это сдѣлать. Вижу—на глазахъ слезы.

— Нѣтъ, мама... ничего не скажу... не могу...

Только и сказалъ, и ушелъ отъ меня.

Налегла я и на Анюточку и говорю:

— Анюточка, подумай, на что ты рѣшаешься. У насъ въ роду всѣ примерли, я—стара и у тебя близкихъ—ни души. Умру я, пока вы на войнѣ, съ кѣмъ Тимчикъ останется?

— Не могу я, мама, не могу! Жить безъ Валерія не могу! Куда онъ, туда и я.

Эти слова и обидѣли меня.

„Какъ это,—думаю,—ради любви къ мужу бросить Тимчика?.. Валерій — сынъ мой и мнѣ ли не гордиться, что моего сына такъ горячо любитъ жена... Ну, а Тимчикъ-то вѣдь младенецъ?“

Не удалось мнѣ уговорить Анюточку, уѣхала она, и остались мы вдвоемъ съ Тимчикомъ. А съ какимъ горемъ разставалась Анюточка съ Тимчикомъ, все нашептывала ему на-ухо: „Прости!.. прости... Тимчикъ!“. А что онъ понималъ, пятый годъ только-только пошелъ. Безъ сознанія усадили Анюточку въ карету и отвезли на вокзалъ. Благословила я путь дальній милыхъ моихъ, перекрестила — и остались мы вдвоемъ съ Тимчикомъ.

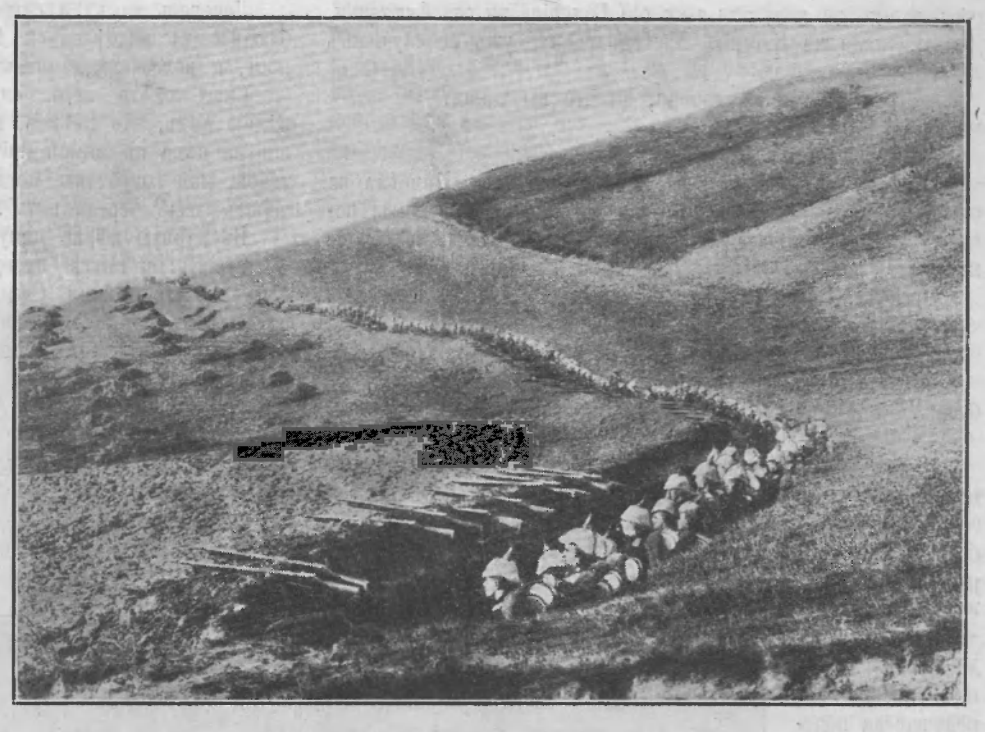
Кровать Тимчика я приказала перенести къ себѣ въ спальню. А онъ такой смѣшной былъ, весь въ дѣдушку покойнаго, въ мужа моего. Все бывало болтаетъ да посмѣивается. Говорилъ ужъ хорошо и надъ бабушкой смѣялся. Любилъ меня страсть какъ—и я къ нему привязалась. Сидимъ бывало цѣлый день-то у окошечка, то въ саду на скамеечкѣ. Папа съ мамой письмо пришлютъ, читаю ему письмо, а онъ цѣлуетъ бумагу-то и бормочетъ:

— Па-па зав-тра плѣдетъ... Ма-ма зав-тра плѣдетъ...

И утромъ говоритъ эти слова, и за обѣдомъ, и вечеромъ, когда поведу его въ спаленку, укладываемъ его съ новой няней, а онъ и нянѣ говоритъ-лопочетъ:

— Па-па зав-тра плѣдетъ... Ма-ма зав-тра плѣдетъ...

Анюточка не любила нянекъ и сама бывало съ Тимчикомъ возилась: и мыла его сама, и кормила, и одѣвала, и спать укладывала. Страсть какъ любила, затворницей жила въ дѣтской: ни въ театры не ѣздила, ни на полковыхъ балахъ не бывала, все съ Тимчикомъ. А ужъ какъ уѣхала она, и рѣшилась я няню взять, потому—стара сама-то, гдѣ же мнѣ всю черную работу около мальчика исполнить. Знакомая офицерша и няню-то эту рекомендовала, Авдотьей звали. Большая была такая деревенская дѣвушка, глуповатая только немного.



Позиции союзниковъ на Изерѣ. Англійскіе стрѣлки въ траншеяхъ ожидаютъ аттаку нѣмцевъ.

Жили мы такъ съ Тимчикомъ, а Анюточка чуть ли не каждый день то открытку пришлетъ, то письмо. Писалъ и Валерій, только рѣже, потому—ротой командовалъ и разныя порученія ему часто давали. Писали они, какъ живутъ, встрѣчаются изрѣдка, а Анюточка-то въ нашемъ дивизіонномъ госпиталѣ пристроилась сестрой и близко была отъ мужа. Все бывало и пишетъ Тимчику, какъ папа съ мамой видѣлись, какъ потомъ въ разныя стороны разошлись: онъ воевать, она—въ лазаретъ.

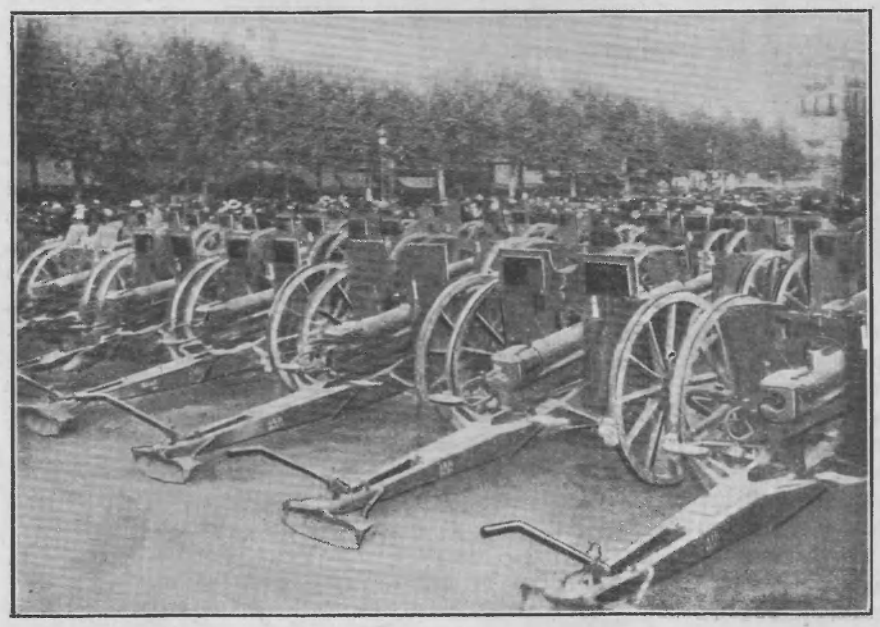
Такъ и жили мы съ Тимчикомъ.

Помню, было это утромъ яснаго дня. Сидѣли мы съ Тимчикомъ въ саду полковомъ на скамеечкѣ. Няня наша, новая, Авдотья, забавляла Тимчика: песочекъ онъ пересыпалъ изъ одной деревянной формочки въ другую, пирожки изъ сырого песочка дѣлалъ и все лопоталъ:

— Мамѣ съ папой пиложки пошлю.

А въ казармахъ у насъ новый составъ полка сформировали. Офицеры изъ запаса да изъ ополченья въ новый полкъ назначались, и солдаты тоже запасные. А остался при казармахъ одинъ поручикъ нашего ...скаго полка. Не знаю ужъ, почему онъ одинъ остался. Женатый человѣкъ былъ, и жену-то его я знала, Евгеніей Александровной ее звали.

Только вижу я разъ — идетъ ко мнѣ эта самая Евгенія Александровна и такая что-то разстроенная: съ Анюточкой онѣ дружны были. Пришла, поздоровалась, Тимчика поласкала, а на лицѣ у нея что-то неладное, вижу я. А предъ этимъ дней десять ни



Французскіе трофеи: захваченныя на Ипрѣ германскія пушки.

семъ что-то не получала я ни отъ Валерія, ни отъ Анюточки. Думаю, глядя на Евгенію Александровну, ужъ не случилось ли чего? Спрашиваю:

— Евгенія Александровна, да что вы такая?

— А что?

— Да лица на васъ нѣтъ.

А сама она старается не глядѣть на меня. Присѣла на корточки около Тимчика и будто забавляется съ нимъ, нескомъ играетъ и на меня старается не глядѣть, а сердце мое ужъ сжалось, ужъ почувствовало недоброе.

Посидѣла, посидѣла она такъ около Тимчика и говоритъ:

— Тутъ неприятность одна, личнаго свойства...

„Ну,—думаю,—хитритъ дама, скрываетъ отъ меня что-то".

— А что,—спрашиваю,—и вашего мужа въ полкъ требуютъ?

— Нѣтъ...—говоритъ,—а такъ, другое.

Приподнялась, подошла ко мнѣ, на скамейку рядомъ присѣла, а сама все старается не глядѣть мнѣ въ лицо.

Поговорили мы такъ о томъ, о семъ. Тимчику надобны были новые башмачки на толстой подошвѣ, потому—въ саду полковомъ у насъ сыро послѣ дождей было. Спросила я ее: гдѣ бы мнѣ сапожки эти получше да подешевле купить? Назвала она магазинъ. Поговорили о тимчикиныхъ сапожкахъ. Встала она и говоритъ:

— Васса Демьяновна, мнѣ надо бы съ вами поговорить.

— Ну, что-жъ,—говорю,—поговоримъ.

— Отойдемте вонъ туда! — и указала на другую скамеечку, за клумбами, ближе къ парадному.

Африканскіе егеря обѣдаютъ.

Сѣли мы съ нею на скамеечку, сидимъ и молчимъ, а Тимчикъ ко мнѣ рученками тянется да зоветъ. Вдругъ взяла она меня за руку, поднесла руку-то мою къ губамъ своимъ, поцѣловала. Гляжу—на глазахъ у нея слезы.

— Васса Демьяновна,—говоритъ,—я должна сообщить вамъ печальную вѣсть.

Не помню я дальше, какъ и что она говорила. Узнала я только, что Валерій мой убитъ. Непріятельскимъ снарядомъ всего его разорвало. Анюточка пріѣхала на то мѣсто, все искала трупъ мужа и не вѣрила, что его разорвало, а тутъ и... помѣшалась Анюточка... Ходила все между мертвыми и оглядывала каждаго, руки поднимала кверху и кричала: „Не онъ! Не онъ!..". А тутъ шрапнель разорвалась и Анюточку убило.

И остались мы вдвоемъ съ Тимчикомъ.

Помнится, случилось это вечеромъ.

Поѣлъ Тимчикъ манной кашки, попилъ молочка и говоритъ:

— Па-па зав-тра пріѣдетъ... Ма-ма зав-тра пріѣдетъ...

Не зналъ конечно, что папы съ мамой ужъ и въ живыхъ нѣтъ.

Лепечетъ такъ, а самъ смѣется. Ложкой брызгаетъ въ блюдцѣ да недоѣденной кашкой и щеки себѣ вымазалъ, и носъ, и волосенки темненькіе.

Сижу около него, сиротки одинокаго, и глаза прячу, дѣлаю видъ, что смѣюсь, а на глазахъ слезы, и вру: молъ, завтра папа съ мамой пріѣдутъ. Думаю: что же будетъ съ тобой, мой голубчикъ, когда бабушка умретъ? Что будетъ черезъ годъ? черезъ пять лѣтъ? черезъ десять?..

Въ дурную вѣрно минуту подумала такъ.

Стоялъ на столѣ пустой подносъ мѣдный, а кругомъ него—посуда чайная. Слышу—ботаетъ толстоногая Авдотья по полу въ коридорѣ, топаетъ и отдувается, и слышу—шипитъ въ ея рукахъ самоваръ, свѣтлый такой, начищенный самоваръ. Пары идутъ во всѣ стороны, жаромъ отъ самовара пышитъ, и лицо у Авдотьи красное отъ натуги—тяжелый самоваръ, ведерный, а брызги кипятка изъ-подъ крышки выбиваются и въ дырочку брыжжутъ, что съ клапаномъ дырочка на крышкѣ самоварной.

— Да чего ты,—говорю,—не подождешь съ минуточку?

А въ лицо мнѣ ужъ и угаромъ пахнула.

— Притащила,—кричу,—съ угаромъ самоваръ!

— Въ баню, барыня, торопимся сходить съ Полей.

Какъ ужъ она поставила самоваръ — не знаю, а только грохнула его на столъ бокомъ, слетѣла крышка и весь кипятокъ прямо на Тимчика, такъ отъ шейки и до конца ножекъ его всего и обварила.

Нѣтъ, не могу вспоминать дальше, что было... крика Тимчика не могу вспомнить...

Часа два прожилъ Тимчикъ и умеръ.

Могилка у Тимчика на ...скомъ кладбищѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Тамъ у насъ фамильное мѣсто есть: отецъ мой схороненъ, братья, сестры, мужъ мой. Хлопочу вотъ теперь о перевезеніи тѣла Анюточки. Офицеры нашего полка могилку-то ея отмѣтили. Писалъ мнѣ полковникъ Х., будто скоро можно и перевезти Анюточку, какъ только непріятель отступитъ, такъ перевеземъ. Ну, а Валерчикъ-то мой... вѣрно ужъ...—дама-разсказчица съ мануту помолчала и добавила, утирая слезы:—вѣрно ужъ могилки-то его не будетъ рядомъ... Не отыскали его тѣло.—Она еще помолчала и добавила:—Тимчика вотъ схоронила я на фамильномъ мѣстѣ, и мнѣ мѣстечко осталось.

Такъ вотъ наша фамилія Вергилиныхъ и кончилась.

В. Брусянинъ.

Тѣнь великаго.

Публицистическій этюдъ **И. Накатова.**

Вильгельмъ II однажды, со свойственнымъ ему апломбомъ, изрекъ: „Мы живемъ въ эпоху усиленныхъ сношеній“. Этотъ афоризмъ, достойный того чеховскаго героя, который возвѣщалъ человѣчеству истины вродѣ: „лошадь кушаетъ овесъ“, является отголоскомъ вѣчно снѣдавшаго его душевнаго безпокойства! Всѣ мы, еще задолго до войны, дивились чрезвычайной подвижности германскаго императора. Съ личностью монарха у насъ обычно связывается понятіе высшей сдержанности, величавой медлительности и извѣстной скупости выступленій. Вильгельмъ же, наоборотъ, слишкомъ часто дарилъ „улицу“ весьма пикантными „номерами“, впечатлѣніе отъ которыхъ иногда лишь съ трудомъ удавалось заглаживать его ближайшимъ сподвижникамъ. Неизсякаемый фонтанъ словъ неустанно билъ изъ кайзеровыхъ устъ, телеграфные провода неустанно для него работали. Ни одинъ европейскій монархъ столько не путешествовалъ, сколько Вильгельмъ. На кораблѣ, дѣлающемъ по 22 узла въ часъ, онъ разсѣкалъ морскія волны, а императорскій „Schnellzug“ несся съ быстротою 80 — 100 километровъ въ часъ. Эти „вездѣсущность“ и „всевѣдѣніе“ давали очень мало реальныхъ результатовъ, но зато монарха „чувствовали“. Какъ извѣстно, всѣ попытки ближайшихъ совѣтчиковъ умѣрить его пылъ большей частью ни къ чему не приводили.

Процессія въ Лондонѣ въ честь избранія новаго лордъ-мэра.

Но до войны „ртутность“ кайзера лишь нарушала правила политическаго такта. Въ наши же дни суетливость германскаго кайзера этой сферой вопросовъ не ограничивается. Она непосредственно отражается на ходѣ развертывающихся событій и обходится нѣмцамъ слишкомъ дорого. Однако Вильгельмъ не унимается. Газеты сообщаютъ о его непрерывномъ кочеваніи изъ Бреславля въ Торнъ, съ опустошенныхъ полей Бельгіи въ Петроковъ. Онъ выказываетъ необычайное нетерпѣніе, всѣмъ и всѣми недоволенъ, смѣщаетъ однихъ генераловъ и назначаетъ другихъ, своимъ авторитетомъ мѣняетъ рѣшенія военныхъ совѣтовъ, дѣлаетъ безпрерывныя указанія, вникаетъ во всѣ мелочи, всюду—что называется—суетъ носъ. Чтобы столь близкое, непосредственное участіе кайзера принесло осязательные результаты—пока не видно. Активность Наполеона, Фридриха Великаго, Александра Македонскаго и другихъ монарховъ, такъ же непосредственно руководившихъ своими арміями, сразу четко обозначалась и чувствовалась. Очевидно военный геній Вильгельма, которымъ онъ постоянно кичился, есть плодъ большой самоувѣренности, и нѣмецкій кайзеръ все болѣе и болѣе замѣтно начинаетъ разыгрывать роль циркового рыжаго, который неустанно хлопочетъ, суетится до изнеможенія и однако только мѣшаетъ.

Еще Тюреннь и Наполеонъ заповѣдали: „Лучше одинъ посредственный полководецъ, чѣмъ два хорошихъ“. Вильгельмъ же—всюду второй: то въ роли нежданнаго совѣтчика, то невыносимаго контролера, то активнаго руководителя, отстраняющаго имъ же поставленнаго военачальника и занимающаго его мѣсто. Такая взволнованность и лихорадочная суетливость кайзера вносятъ полную дезорганизацію въ германскій командный составъ. Чувствовать на себѣ неотступно вонзающійся взоръ порой такъ трудно, что парализуется воля, цѣпенѣетъ мысль и мутнѣетъ разсудокъ. Какъ непоколебимо довѣріе Франціи къ генералиссимусу Жоффру! Германцы уже были у самаго Парижа, предварительно опустошивъ цвѣтущій уголъ Франціи — помышлялъ ли однако кто нибудь объ увольненіи Жоффра? Сколько неудачъ и, быть можетъ, промаховъ было у англичанъ и у сербовъ—слышали ли мы у нихъ ропотъ и поднимался ли здѣсь даже вопросъ о необходимости перемѣнъ въ средѣ высшихъ военныхъ руководителей? А вотъ Вильгельмъ чуть ли не каждую недѣлю мѣняетъ генераловъ на отвѣтственнѣйшихъ постахъ.

Сначала пошли настойчивые слухи, что въ германскомъ генеральномъ штабѣ нѣтъ единогласія по вопросу о дальнѣйшемъ планѣ кампаніи, и затѣмъ заговорили о томъ, что

начальникъ штаба, генералъ фонъ Мольтке, „впалъ въ немилость“; вскорѣ генералъ этотъ „заболѣлъ“, и въ результатѣ согласно даннымъ изъ оффиціальныхъ источниковъ, его замѣстилъ прусскій военный министръ, генералъ Фалькенгеймъ. Сначала во главѣ войскъ восточнаго фронта стоялъ генералъ Притвицъ фонъ Гафронъ, а послѣ неудачи подъ Гумбиненомъ онъ внезапно былъ отрѣшенъ отъ командованія арміей, и состоялось назначеніе на этотъ постъ генерала Гинденбурга. Послѣ вторичнаго вступленія русской арміи въ предѣлы Восточной Пруссіи симпатіи Вильгельма къ командующему арміеи поколебались. Все чаще стало упоминаться имя командира перваго корпуса, генерала Фринеца. Командира восьмого германскаго корпуса, виднаго генерала Тульфъ фонъ Шлиппе-Веденбаха, смѣнилъ на посту командиръ 15-й дивизіи, генералъ Риманъ Вильгельмъ простеръ свою карающую и милующую длань и на австро-венгерскую армію. По предписанію изъ Берлина, командующій австрійскими силами, генералъ фонъ Ауффенбергъ, долженъ былъ „слечь“, взявъ на себя амплуа больного. Затѣмъ былъ назначенъ новый командующій третьей арміей, генералъ Свѣтозаръ Борцевицъ; генералъ-квартирмейстеромъ арміи вмѣсто генерала фонъ Штейна былъ назначенъ генералъ-маіоръ Вернеръ фонъ Вайтесъ-Ретцъ; безъ колебаніи были одновременно смѣнены командиры пяти корпусовъ: 6-го—былъ назначенъ генералъ Гучслеръ, 7-го—Шеншенштуль, 8-го—Линбичицъ, 11-го—Кратекъ и 17-го—генералъ Тисъ. Нужно ли приводить и другіе весьма частые случаи новыхъ назначеніи, смѣщеніи, болѣзней, немилостей и пр.? Дѣло дошло до того, что пришлось „отбыть“ изъ арміи даже нѣсколькимъ принцамъ. А наряду съ этимъ, чуть только начинаетъ ощущаться приближеніе побѣдъ, Вильгельмъ мгновенно появляется въ дѣйствующей арміи. Когда германскія войска подступали къ Парижу, Вильгельмъ явился, чтобы „лично руководить операціями“ и во главѣ своей побѣдоносной арміи тріумфально вступить во врата „столицы столицъ“. Онъ же, не довѣряя очевидно командному составу, въ послѣднюю минуту появился также подъ Варшавой, разработавъ, какъ передаютъ, въ деталяхъ помпезную программу вступленія въ польскую столицу. И въ долинѣ Марны, и на равнинахъ Польши личное руководство кайзера принесло лишь тяжелое пораженіе. Тѣмъ не менѣе онъ попрежнему суетится и всѣхъ спутываетъ своимъ дозоромъ, давитъ своимъ авторитетомъ. Нашъ Суворовъ горячо протестовалъ противъ такого стѣсненія воли и иниціативы главныхъ руководителей. Онъ убѣжденно изрекъ: „Полная мочь избранному полководцу!“. Было достаточно времени приглядываться и выбирать въ мирное время. Тогда и можно было назначать, пробовать, смѣнять, опять пробовать и снова назначать. А вотъ грянулъ бой—и колебаніямъ не должно быть мѣста.

Вотъ образчикъ самоупоенной абсолютистской идеологіи: въ 1891 году Вильгельмъ какъ-то разъ гнѣвно бросилъ: „Одинъ только господинъ въ имперіи, другого я не потерплю“, а въ золотую книгу мюнхенской ратуши, при посѣщеніи города, онъ вписалъ въ XX вѣкѣ, будучи конституціоннымъ монархомъ: „Suprema lex regis voluntas“—„Воля короля—высшій законъ!“. Въ свое время такіе афористическія блистанія доставляли немало хлопотъ канцлеру и немало радости парламентской лѣвой. Теперь слово претворилось въ дѣло. Вильгельмъ демонстрируетъ свою волю. Увы! демонстрація эта стоитъ германскому народу слишкомъ много крови. Но до думъ ли о пушечномъ мясѣ, если въ данномъ случаѣ идетъ рѣчь о личномъ авторитетѣ кайзера. На парадномъ обѣдѣ въ Кенигсбергѣ 6-го сентября 1894 года Вильгельмъ въ своей здравицѣ возгласилъ: „Съ сердечнымъ огорченіемъ я замѣтилъ, что въ близкихъ мнѣ кругахъ дворянства мои лучшія намѣренія истолковываются неправильно, частью оспариваются, дошло до того, что мнѣ пришлось даже слышать слово „оппозиція“. Господа, оппозиція прусскихъ дворянъ противъ своего короля—безсмыслица!“. Эти фразы бросались тогда, когда союзный совѣтъ и рейхстагъ были въ полномъ ходу. Нетрудно себѣ представить, до какого градуса накалились сверхсамовлюбленныя чувства Вильгельма въ настоящій моментъ, когда законодательныя машины застопорены, когда всѣ взоры и всѣ надежды обращены въ одну лишь сторону—туда, гдѣ чернѣетъ солдатская каска „Suprema lex regis voluntas“ царитъ теперь во всѣхъ углахъ Германіи и сковываетъ армію желѣзнымъ кольцомъ, терроризуя ее сверху до низу. Единственно рельефной фигурой является личность вождя. Побѣдили—значитъ, побѣдилъ поставленный генералъ; потерпѣли пораженіе — значитъ, оказался негоднымъ тотъ же генералъ. Не изучать явленія во всей ихъ глубинѣ, а скользить по поверхности, искать отдѣльныхъ виновниковъ, я бы сказалъ, „зачинщиковъ“ — вѣдь это старая-престарая прусская система, которая хорошо знакома не однимъ лишь пруссакамъ.

Разумѣется, это происходитъ отъ нѣкоторой умственной застылости. Вильгельмъ прежде всего не прозорливъ. Онъ, быть можетъ, достаточно и даже слишкомъ уменъ для обычнаго житейскаго и государственнаго обихода. Но для того дерзновеннаго дѣла покоренія всей Европы „подъ нози“, которое онъ затѣялъ,—для дѣйствительнаго осуществленія такого будничнаго ума недостаточно. Александръ Македонскій, Наполеонъ, Цезарь, помимо военныхъ доблестей, обладали умомъ гигантскимъ и всевидящимъ. Какой области они ни касались, отъ творимаго дѣла сыпался снопъ яркихъ, ослѣпляющихъ лучей. А Вильгельмъ даже въ своемъ излюбленномъ военномъ дѣлѣ очень мало возвышается надъ посредственностью. Указанные выше полководцы-монархи сами создавали новые пути и законы войны, которые живы донынѣ. Вильгельмъ же, въ лучшемъ случаѣ,—добросовѣстный изучатель прошлаго. Онъ творитъ не изъ собственнаго „нутра“, а по образу и подобію великихъ. Онъ пожелалъ стать великаномъ путемъ выучки и пота, путемъ неуклоннаго слѣдованія приманчивымъ примѣрамъ великихъ. И въ конечномъ результатѣ взбудоражилъ Европу и бродитъ по ея холмамъ и равнинамъ не великій, а его тѣнь. Вильгельмъ твердъ, какъ кремень, и упрямъ, какъ волъ. Но эти качества сильнаго характера очень часто указываютъ на отсутствіе соотвѣтственно сильнаго ума. Отсюда для военнаго руководителя проистекаютъ огромныя бѣды. „Рѣдко и трудно,—говоритъ Наполеонъ,—соединяются качества, необходимыя полководцу. Всего желательнѣе было бы,—что впрочемъ человѣка тотчасъ же и выдѣляетъ изъ массы,—чтобы у него *умъ или талантъ былъ въ равновѣсіи съ характеромъ или храбростью*. Онъ, выражаясь болѣе осязательно, въ отношеніи основанія (характера) и высоты (ума) долженъ представлять какъ бы квадратъ. Если храбрость беретъ верхъ въ генералѣ, то онъ ошибочно рѣшается на предпріятія, превышающія его соображенія, и—напротивъ того—онъ не посмѣетъ привести ихъ въ исполненіе, если его характеръ или храбрость будутъ ниже его ума“... У Вильгельма видимо характеръ сильный, но, чѣмъ упорнѣе и величавѣе его воля, тѣмъ болѣе рельефна убогость его таланта или ума. Послѣдніе же не благопріобрѣтаются и ихъ никакимъ упорствомъ не замѣнить. У Вильгельма хватило характера и иниціативы, чтобы поднять мечъ противъ всей Европы, но теперь уже совершенно ясно, что у него нехватаетъ ума и таланта, чтобы осуществить свои завоевательныя мечты. И, чуя свое безсиліе, онъ безмѣрно суетится, нервируя и спутывая своихъ сподвижниковъ.

И. Накатовъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. Ахматовой.

1.

Побѣгъ.

(Ольгѣ Кузьминой-Караваевой.)

— «Намъ бы только до взморья добраться,
Дорогая моя!» — «Молчи!»
И по лѣстницѣ стали спускаться,
Задыхаясь искали ключи.
Мимо зданій, гдѣ мы когда-то
Танцовали, пили вино,
Мимо бѣлыхъ колоннъ сената —
Туда, гдѣ темно-темно.
— «Что ты дѣлаешь? Ты — безумный!»
— «Нѣтъ, я только тебя люблю!»
Этотъ вѣтеръ — широкій и шумный,
Будетъ весело кораблю.
Горло тѣсно ужасомъ сжато.
Насъ впотемкахъ принялъ челнокъ.
Крѣпкій запахъ морского каната
Задрожавшія ноздри обжогъ.
— «Скажи, ты знаешь навѣрно,
Я не сплю?.. Такъ бываетъ во снѣ?»
Только весла плескались мѣрно
По тяжелой невской волнѣ.
И черное небо свѣтало.
Насъ окликнулъ кто-то съ моста,
Я руками обѣими сжала
На груди цѣпочку креста.
Обезсиленную на рукахъ ты
Словно дѣвочку, внесъ меня,
Чтобъ на палубѣ бѣлой яхты
Встрѣтить свѣтъ нетлѣннаго дня.

2.

Бѣлый домъ.

Морозное утро. Съ парада
Идутъ и идутъ войска.
Я утру ноябрьскому рада,
И печаль моя такъ легка.
Здѣсь помню каждую вѣтку
И каждый силуэтъ.
Сквозь инея бѣлую сѣтку
Малиновый каплетъ свѣтъ.
Здѣсь домъ былъ почти что бѣлый
Стеклянное крыльцо.
Сколько разъ рукой помертвѣлой
Я держала звонокъ-кольцо.
Столько разъ... Играйте, солдаты,
А я мой домъ отыщу,
Узнаю по крышѣ покатой,
По вѣчному плющу.
Но кто его отодвинулъ,
Въ другіе унесъ города?
Или изъ памяти вынулъ

Навсегда дорогу тула?
Волынки вдали замираютъ,
Снѣгъ летитъ, какъ вишневый цвѣтъ...
Навѣрно никто не знаетъ,
Что бѣлаго дома нѣтъ!

3

Подошла; я волненья не выдалъ,
Равнодушно глядя въ окно.
Сѣла, словно фарфоровый идолъ,
Въ позѣ, выбранной ею давно.
Быть веселой—привычное дѣло,
Быть внимательной—это труднѣй...
Или томная лѣнь одолѣла
Послѣ мартовскихъ пряныхъ ночей?
Утомительный гулъ разговоровъ,
Желтой люстры безжизненный зной
И мельканье искусныхъ проборовъ
Надъ приподнятой легкой рукой.
Улыбнулся опять собесѣдникъ
И тревожно глядитъ на нее...
Мой счастливый богатый наслѣдникъ,
Ты прочти завѣщанье мое.

4.

Новгородъ.

Пустыхъ небесъ прозрачное стекло,
Большой тюрьмы бѣлесое строенье
И хода крестнаго торжественное пѣнье
Надъ Волховомъ, синѣющимъ свѣтло.
Угрюмый вихрь, листы березы свѣявъ,
Реветъ и мечется среди вѣтвей,
А городъ помнитъ о своей судьбѣ—
Здѣсь Марѳа правила и правилъ Аракчеевъ.

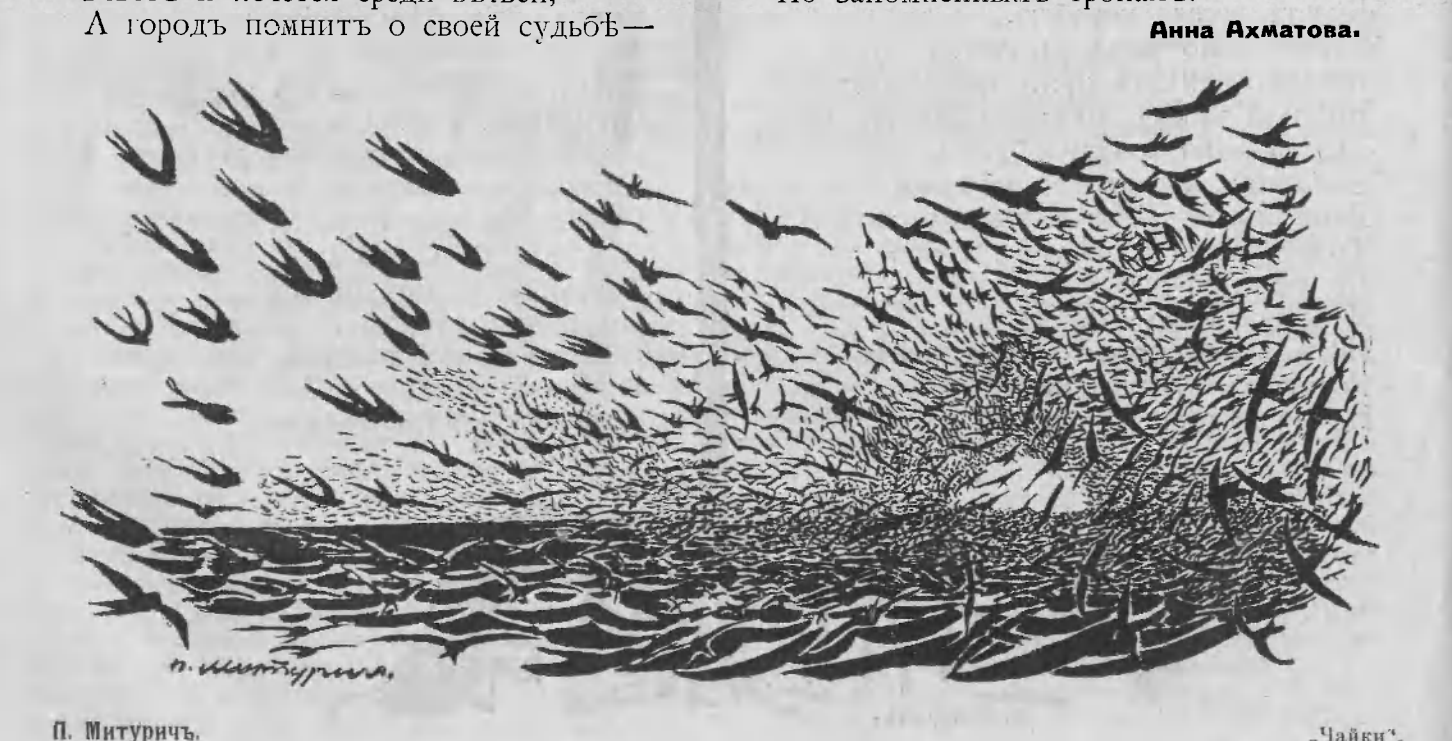
5.

Не въ лѣсу мы. Довольно аукать,—
Я насмѣшекъ такихъ не люблю...
Что же ты не приходишь баюкать
Уязвленную совѣсть мою?
У тебя заботы другія,
У тебя другая жена...
И глядитъ мнѣ въ глаза сухіе
Петербургская весна.
Труднымъ кашлемъ, вечернимъ жаромъ
Наградитъ по заслугамъ, убьетъ.
На Невѣ подъ млѣющимъ паромъ
Начинается ледоходъ.

6.

Мнѣ не надо счастья малаго,
Мужа къ милой провожу,
И довольнаго, усталаго
Спать ребенка уложу.
Снова мнѣ въ прохладной горницѣ
Богородицу молить.
Тяжко, тяжко жить затворницей,
Да труднѣй веселой быть.
Только-бъ сонъ приснился пламенный:
Какъ войду въ нагорный храмъ
Пятиглавый, бѣлый, каменный
По запомненнымъ тропамъ.

Анна Ахматова.



П. Митуричъ. „Чайки".

Встрѣча въ лѣсу.

Разсказъ **Вл. Кохановскаго.**

I.

Вольноопредѣляющійся Мурзаевъ во время битвы упалъ съ лошади и пролежалъ довольно долго безъ сознанія. Когда очнулся, то увидѣлъ надъ собою покрытыя инеемъ вѣтки деревьевъ, сѣрое небо, тихо падающія снѣжинки... Въ первое мгновеніе ему почудилось, что онъ задремалъ на охотѣ въ лѣсу, но потомъ картины недавняго боя съ необычайной ясностью возстали предъ нимъ...

„Значитъ, я раненъ",—подумалъ онъ.

Немного погодя попробовалъ осторожно приподняться. Боли нигдѣ не чувствовалось. Тогда онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе. Боли попрежнему нигдѣ не было. Поднялся тогда на ноги...

На твердой, подмерзшей, покрытой тонкимъ налетомъ снѣга землѣ неподвижно лежали остывшіе трупы русскихъ и австрійскихъ солдатъ. Странной темною массой между ними возвышались раздувшіяся лошадиныя туши... Мурзаевъ подошелъ къ ближайшему трупу и со страннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ въ его окаменѣвшее лицо. Еще недавно это лицо было живымъ. Двигались на немъ мускулы, улыбались губы, свѣтился мыслью взглядъ..

Подошелъ къ другому. Та же окаменѣлость, густая желтизна. Подошелъ къ третьему, къ четвертому... Вездѣ неподвижность, печать смерти. Многія лица своихъ солдатъ были хорошо знакомы. Вспоминались ихъ улыбка, манера сидѣть въ сѣдлѣ, голосъ, живой взглядъ...

И необычайно страннымъ вдругъ показалось, что никогда не оживятся ихъ лица, не задвигаются мускулы, не раздастся ихъ голосъ... И не вѣрилось въ это, казалось, что все это—лишь сонъ...

Вотъ тихо падаетъ чистый бѣлый снѣгъ, неподвижны, спокойны высокія мохнатыя сосны, бодряще свѣжъ морозный воздухъ.

Почему же здѣсь ничего не измѣнилось. Почему же здѣсь кругомъ все попрежнему спокойно, ясно, величаво...

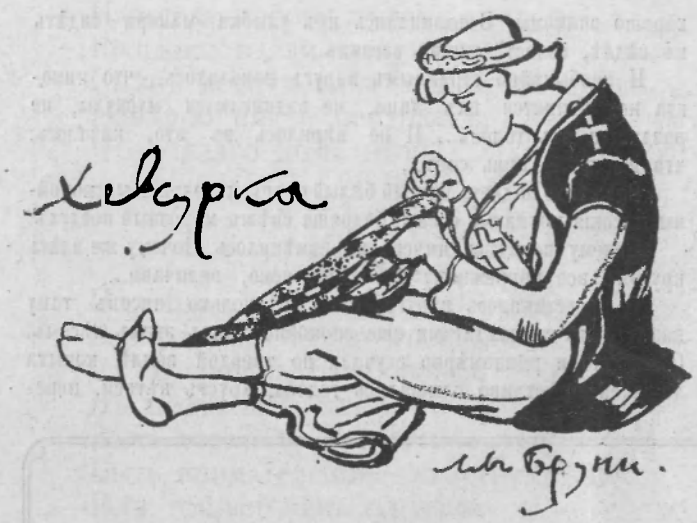
И представилось вдругъ, какъ нѣсколько часовъ тому назадъ онъ съ солдатами еще спокойно ѣхалъ этимъ лѣсомъ. Отчетливо и равномѣрно стучали по твердой землѣ копыта лошадей, отчетливо слышались голоса, хрустъ вѣтвей, перелетъ птицъ... И казалось тогда, что смерть еще далека, что вокругъ—лишь жизнь, жизнь, жизнь...

Л. Квятковскій. „Кавказъ".

II.

Весь поглощенный воспоминаніями о битвѣ и погибшихъ товарищахъ Мурзаевъ все больше и больше углублялся въ чащу.

Гуще и гуще становились деревья вокругъ него, сумрачнѣе и сумрачнѣе воздухъ... Вороны изрѣдка перелетали съ дерева на дерево, встряхивая на землю иней, бѣлка два раза мелькнула предъ его глазами... И постепенно, чѣмъ больше углублялся онъ въ чащу, чѣмъ неподвижнѣе и тише становилось кругомъ,—тѣмъ все происшедшее только что начинало казаться ему все кошмарнѣе и кошмарнѣе...



Л. А. Бруни. „Хевсурка“.

Временами хотѣлось вернуться назадъ и посмотрѣть на ту поляну, гдѣ происходила битва. Можетъ быть, тамъ нѣтъ уже ни труповъ, ни запекшейся на побѣлѣвшей землѣ крови, ни раздувшихся лошадиныхъ тушъ. Можетъ быть, тамъ, какъ и здѣсь въ чащѣ, идетъ обычная спокойная, мирная лѣсная жизнь... Лишь сосны да ели кругомъ, бѣлый снѣгъ, пугливыя бѣлки между вѣтвями...

Лѣсъ становится все гуще и гуще, и дорога, по которой онъ шелъ, стала дѣлаться все меньше и меньше замѣтной, потомъ постепенно совершенно слилась съ побѣлѣвшей землей...

Онъ остановился и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ вокругъ себя. Ужъ не заблудился ли онъ? Хотѣлъ вернуться назадъ, но потомъ раздумалъ. Все равно въ концѣ концовъ, рано или поздно, онъ выберется изъ лѣса. Вѣдь лѣсъ небольшой и если идти все впередъ и впередъ, то гдѣ нибудь онъ окончится. И вѣроятно впереди его осталось уже меньше, чѣмъ позади... Снова пошелъ впередъ. И снова тишина, миръ, покой и неподвижность царили вокругъ него...

III.

Какой-то силуэтъ вдругъ мелькнулъ между деревьями.

Мурзаевъ пріостановился и на всякій случай вынулъ изъ кобуры револьверъ. Нѣсколько мгновеній ничего не было видно, потомъ силуэтъ снова мелькнулъ передъ нимъ.

„Да это—женщина“,—подумалъ съ удивленіемъ Мурзаевъ, успѣвъ на этотъ разъ разсмотрѣть юное дѣвичье лицо, длинную шубку и мѣховую шапочку.

Снова пошелъ впередъ... Чрезъ нѣсколько мгновеній, уже вблизи, между стволами увидѣлъ молодую, хорошо одѣтую, красивую дѣвушку.

Она тоже увидѣла его и въ первую секунду въ глазахъ ея выразились испугъ и растерянность, но потомъ, разсмотрѣвъ его форму, она вся просіяла и быстро спросила:

— Скажите, здѣсь поблизости, значитъ, есть русскія войска.

— Не знаю,—проговорилъ онъ,—я иду съ поля сраженія и не могу вамъ сказать сейчасъ, кто находится ближе отсюда, мы или австріцы...

Она быстрымъ, встревоженнымъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Вы ранены?

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я не раненъ.—И потомъ съ улыбкою добавилъ:—я только никакъ не могу выбраться изъ этого лѣса.

— Вы знаете,—воскликнула, вдругъ сразу повеселѣвъ, дѣвушка,—я тоже заблудилась въ этомъ лѣсу и не знаю, какъ отсюда выбраться.

— Значитъ, мы съ вами—товарищи по несчастію,—проговорилъ онъ и потомъ добавилъ,—а я думалъ, что вы живете гдѣ нибудь здѣсь поблизости.

— Я и живу здѣсь недалеко въ усадьбѣ вмѣстѣ съ тетей,—быстро проговорила она,—но лѣсъ этотъ я плохо знаю.

Потомъ она сказала ему, что убѣжала сюда ночью, скрываясь отъ пріѣхавшаго въ ихъ усадьбу австрійскаго разъѣзда.

— Я слыхала, какъ шумѣли они тамъ, какъ кричали, какъ грозили разстрѣлять нашихъ слугъ

— И вы все время здѣсь, въ лѣсу?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Все время,—проговорила она.—Ночью страшно было, а когда разсвѣло, то стало такъ хорошо, что я сразу успокоилась: кругомъ только покрытыя инеемъ деревья, кустарники и тихо-тихо...

Онъ смотрѣлъ на ея нѣжное, юное, слегка поблѣднѣвшее лицо, на ея изящную городскую одежду, слушалъ ея молодой, слегка взволнованный, отчетливо звенѣвшій въ морозномъ воздухѣ, голосъ—и ему казалось такимъ страннымъ, что онъ только что видѣлъ трупы, кровь, остекленѣвшіе взгляды мертвыхъ глазъ.

И невольно вдругъ представилась та опасность, которой подверглась бы она, если бы не успѣла убѣжать изъ усадьбы...

И теплое чувство къ ней, еще такой юной, но уже захваченной тяжкой годиной, шевельнулось въ его душѣ. И захотѣлось какъ нибудь помочь ей, утѣшить, успокоить.

И, посмотрѣвъ на нее ласковыми и слегка озабоченными глазами, онъ сказалъ:

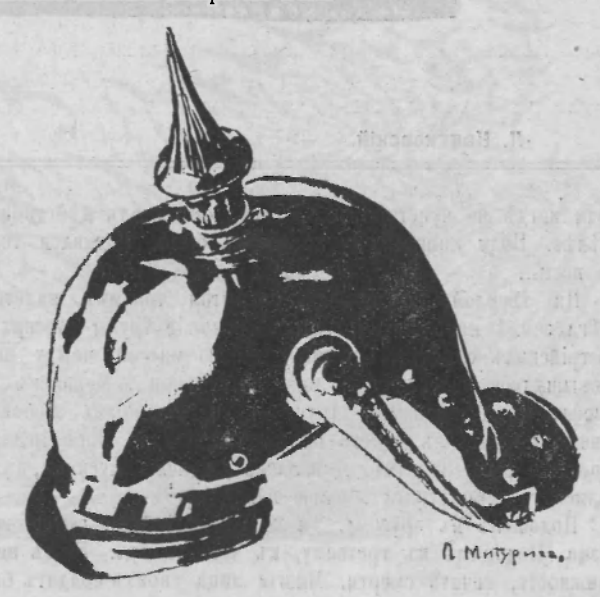
— Ну, что же, слава Богу, что вамъ еще удалось убѣжать сюда невредимой... Могло бы быть хуже, гораздо хуже...

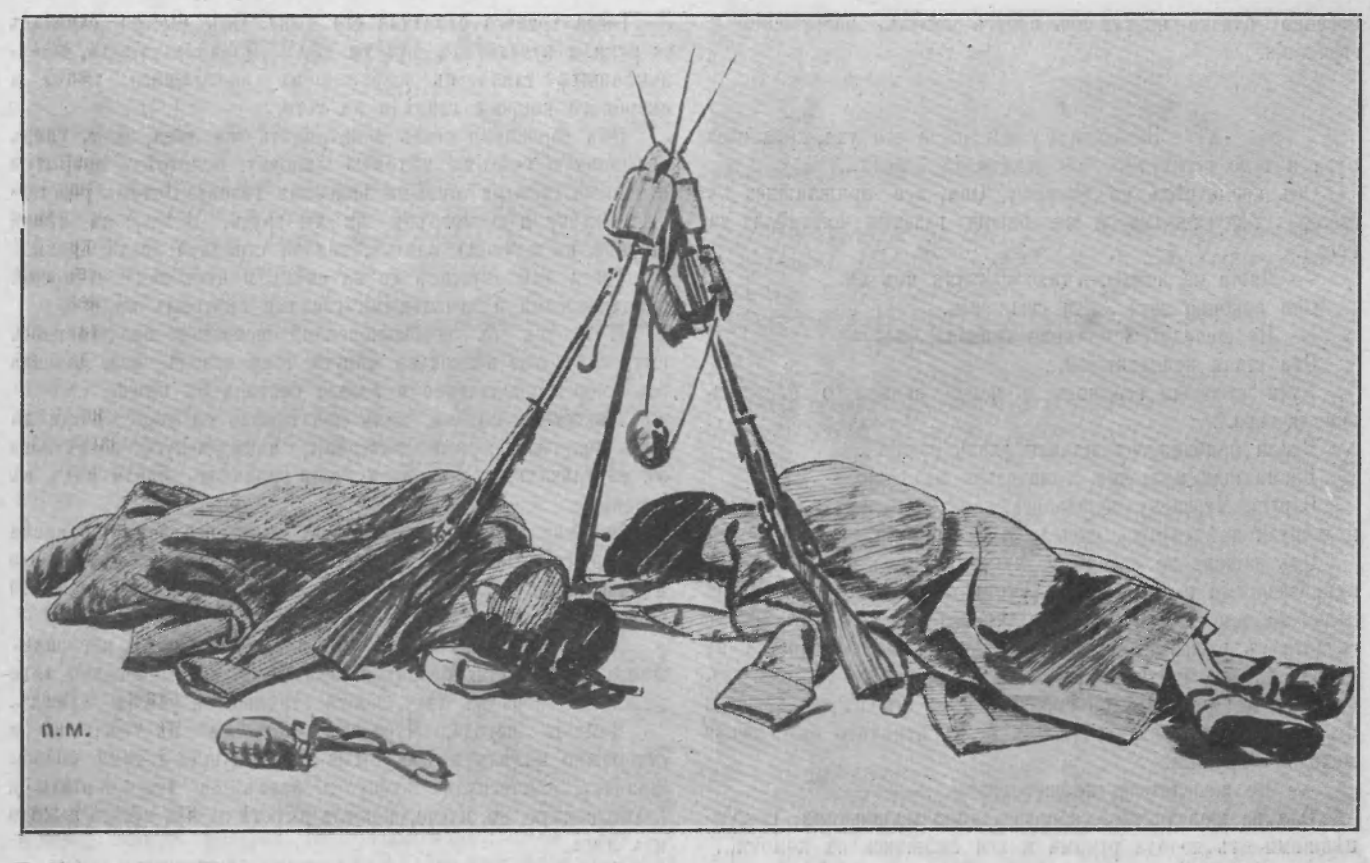
— А тетя?—спросила она и встревоженнымъ взглядомъ посмотрѣла на него.

— Богъ дастъ, и съ ней ничего не случится,—сказалъ онъ,—можетъ быть, ей по дорогѣ сообщили объ австрійцахъ, и она вернулась въ городъ.

Потомъ онъ сталъ говорить ей о томъ, что вѣрно австрійцы уже ушли изъ усадьбы, и, если она хочетъ, онъ проведетъ ее туда.

— Но я не знаю, куда идти?—воскликнула она, растерянными глазами смотря на него.





П. Митуричъ. „Спящіе солдаты".

— Ничего,—сказалъ онъ,—какъ нибудь вмѣстѣ найдемъ туда дорогу.

IV.

Они долго блуждали по тихому, обсыпанному чистымъ бѣлымъ снѣгомъ лѣсу... И, чѣмъ больше блуждали они, чѣмъ молчаливѣе и сосредоточеннѣе становилась вокругъ нихъ чаща, тѣмъ чувство какой-то близости другъ къ другу все сильнѣе и сильнѣе охватывало ихъ души... И когда слегка потемнѣлъ воздухъ и иней на деревьяхъ сдѣлался еще пушистѣе и отчетливѣе—имъ показалось вдругъ, что они знаютъ другъ друга уже давно-давно... И на нѣкоторое время они забыли вдругъ, что заблудились въ лѣсу, что вокругъ нихъ кипитъ міровая война и что непріятель, быть можетъ, близко отъ нихъ... Они вспоминали свою обычную жизнь, которой жили до войны. Онъ разсказывалъ ей о своей университетской жизни въ большомъ столичномъ городѣ, о театрахъ, въ которыхъ еще такъ недавно было шумно и весело, о вечерахъ и концертахъ. Она говорила ему о своей недавней гимназической жизни, о любимыхъ писателяхъ, о своемъ желаніи поѣхать на курсы. Потомъ говорила объ усадебной жизни, о густомъ, тѣнистомъ паркѣ у дома, о каткѣ на озерѣ...

И за эти нѣсколько часовъ они узнали другъ о другѣ столько, сколько въ обычное время, быть можетъ, не узнали бы и въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.

Уже какъ хорошіе знакомые смотрѣли другъ на друга, ласково и дружески улыбались другъ другу.

— Даже я уже забыла, что въ нашей усадьбѣ были австріцы и что я всю ночь скрывалась отъ нихъ въ лѣсу,—проговорила вдругъ дѣвушка,—я забыла даже о войнѣ. Мнѣ кажется, что мы съ вами просто пошли пройтись по лѣсу и сейчасъ вернемся домой. Будемъ пить чай. Камнъ будетъ трещать. Спокойно и тихо будетъ кругомъ.

Нѣсколько мгновеніи она молчала, потомъ подняла голову и, съ тревогой къ чему-то прислушиваясь тихо сказала:

— Слышите?

Онъ прислушался. Отдаленные выстрѣлы донеслись до него.

— Гдѣ-то поблизости идетъ бой,—проговорилъ онъ, и лицо его вдругъ сдѣлалось серьезнымъ.

— Мнѣ кажется, что въ той сторонѣ, гдѣ наша усадьба,—сказала она.

Немного погодя, онъ проговорилъ:

— Значитъ намъ нельзя идти туда, а то вы можете попасть подъ огонь...

— Такъ какъ же быть?—спросила она глухо и лицо ея поблѣднѣло.

— Придется побыть пока въ лѣсу...

Они замолчали прислушиваясь. Стрѣльба становилась чаще и ближе.

V.

Временно стрѣльба прекратилась, но, немного погодя, снова усилилась и стала настолько близкой, что, казалось, сраженіе уже происходитъ въ самомъ лѣсу.

Нѣсколько разъ было слышно, какъ пули звякали о стволы деревьевъ, нѣсколько разъ отъ сотрясенія снѣгъ опадалъ съ вѣтвей на землю...

Дѣвушка сидѣла пригнувшись къ толстому стволу высокой сосны и испуганными глазами смотрѣла въ сторону раздававшихся выстрѣловъ. И странно, и тяжело было теперь Мурзаеву видѣть ее, одѣтую въ дорогую плюшевую шубку и изящную мѣховую шапочку, всю такую хрупкую и нѣжную, испуганно и неловко пригнувшуюся къ землѣ... И странно было вспоминать, что еще нѣсколько минутъ тому назадъ она весело болтала съ нимъ о курсахъ, о театрѣ, о любимыхъ писателяхъ, объ усадебной жизни... И необык

Великій Путь. *)

Статья **З. Н. Гиппіусъ.**

Прежде чѣмъ перейти къ частному вопросу о націонализмѣ, къ еще болѣе частному—о войнѣ, намъ нужно выяснить и опредѣлить, хотя бы краткими словами, *роль исторіи въ христіанствѣ*. Не „роль христіанства въ исторіи“ (какъ привычно складывается фраза), а именно *роль исторіи въ христіанствѣ*, т. е. положеніе обратное.

При этомъ „христіанство“ я беру въ его истинной широтѣ. Оно не отождествляется съ „христовствомъ“, что мы нерѣдко забываемъ. „Христовство“, „историческая христіанская религія“—лишь часть христіанства,—центральная и невыдѣлимая, но часть. Дѣйствительное же міровое христіанство совпадаетъ, какъ понятіе, съ Тріединствомъ.

Объ этомъ дѣйствительномъ христіанствѣ я и буду говорить.

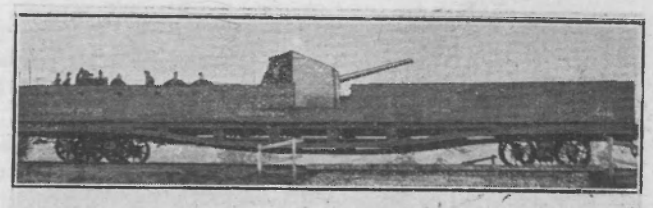
Часто приходится слышать: христіанство отрицаетъ вотъ это, отрицаетъ вотъ еще то... Есть общепризнанныя христіанскія отрицанія; напримѣръ—*христіанство отрицаетъ насиліе*.

Тѣ, кто изъ этого послѣдняго положенія дѣлаетъ выводъ, что христіанство отрицаетъ жизнь—совершенно правы. Какъ произвольно ограничивать отрицаніе, гдѣ остановить его? Большое насиліе христіанство отрицаетъ, а поменьше — признаетъ? Которое же назвать большимъ, которое маленькимъ? Или все въ зависимости отъ обстоятельствъ? Иногда можно, иногда нельзя? Не сводится ли этимъ дѣло къ шаткому принципу компромиссовъ? Какое противорѣчіе, какая нелѣпость—принципіальный компромиссъ!

Нѣтъ ужъ, тутъ не вывернуться: если дѣйствительно христіанство отрицаетъ хотя бы насиліе—нужно признать, что оно отрицаетъ, отвергаетъ, весь міръ, всю жизнь цѣликомъ, наконецъ само себя, принимая лишь отрицаніе всего—смерть. Неизбѣжность такого вывода стоитъ ли доказывать?

Смѣшались, перевернулись понятія. И фактъ смѣшенія налицо, едва мы произносимъ: „христіанство отрицаетъ“...

Суть, корень, естество христіанства въ томъ, что оно не только насилія или еще чего нибудь, большого или малаго,—но *рѣшительно ничего* не „отрицаетъ“. Христіанство начинается утвержденіемъ, совершается, исполняется



посредствомъ цѣпи новыхъ, послѣдовательныхъ утвержденій, въ волевомъ движеніи человѣчества, и завершается окончательнымъ, т. е. абсолютнымъ, утвержденіемъ.

На Великомъ Пути человѣчества во времени (онъ и есть—исторія, его и включаетъ въ себя, какъ бы обнимаетъ, христіанство)—на этомъ пути нѣтъ никакихъ *отрицаній*: движеніе происходитъ силой притягивающей, а не отталкивающей. Новыя цѣнности, новыя понятія, открываясь въ пути, тѣмъ самымъ, что они открылись — уже оттѣсняютъ или измѣняютъ старыя, часто до такой степени, что кажется, будто замѣняютъ ихъ. Но если и замѣняютъ, то не потому, что *отрицается* какая нибудь старая цѣнность, а потому что *утверждается* новая, нужная по времени, должная и *желанная*.

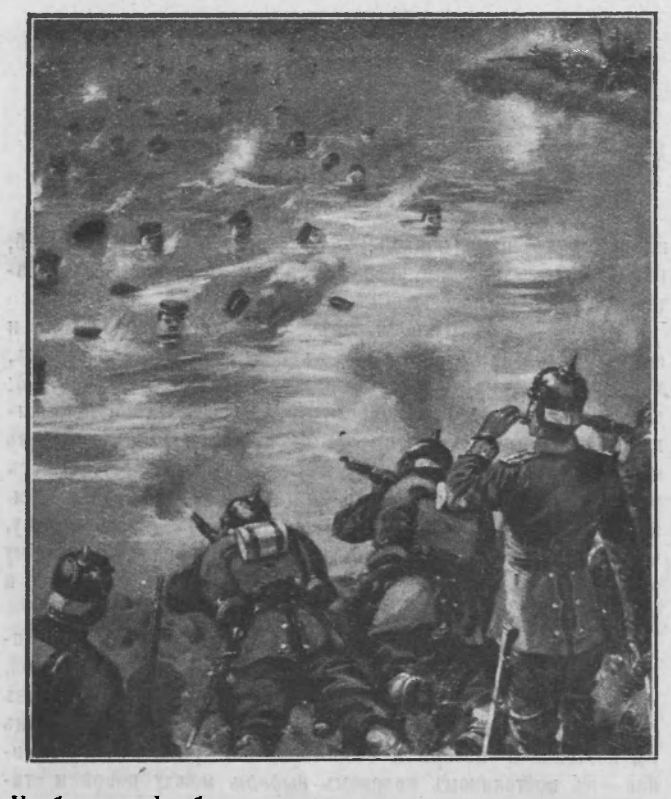
Такова одна изъ схематическихъ линій Великаго Движенія. Но въ реальности, усложненной и многообразной, историческій путь человѣчества не прямъ и не ровенъ, онъ съ поворотами и возвратами, провалами и взлетами; онъ въ постоянной потерѣ и возстановленіи равновѣсія. Главное—въ постоянномъ волевомъ *выборѣ* между новой и старой цѣнностью. Выборъ же—непремѣнно трагедія, борьба, жертва. Надо, вѣдь, чтобы „душа *умѣла хотѣть* того, чего хочетъ“. И вотъ такая жертва,—во имя новаго, высшаго утвержденія,—дѣйствительно жертва: въ ней страданье покрывается радостью и восторгомъ.

Выборъ свободенъ; съ точки зрѣнія всемірнаго, исторію включающаго христіанства,—нѣтъ предопредѣленія, рока, закона. Главный историческій путь человѣчества указанъ, но не приказанъ; обозначенъ, но не назначенъ. Міръ свободенъ погибнуть (говоря чисто христіанскимъ языкомъ) или спастись. Оборвется ли путь въ небытіе, въ абсолютъ отрицанія, или дойдетъ до высшихъ ступеней бытія, до абсолютнаго утвержденія—это зависитъ отъ силы напряженной воли человѣчества и отъ ея единства съ волей міровой, Божественной. Можно лишь сказать, что въ самомъ человѣчествѣ заложено громадное стремленіе достичь предѣльной черты своего пути. Міръ *хочетъ* „спастись“.

---

*) Читано въ Пет-омъ Рел.-Фил. О-вѣ.

Въ гостяхъ другъ у друга.



Учебная стрѣльба германцевъ по плавучимъ мишенямъ.

Вмѣщая исторію въ христіанство, я отнюдь не суживаю исторію, не ограничиваю ее ничѣмъ, менѣе всего „христіанскимъ самосознаніемъ“. Если взять только *движеніе*, какъ принципъ и реальность, и даже забыть на время самое слово „христіанство“,—мы, изслѣдуя движеніе, найдемъ въ немъ тѣ же подосновы, тотъ же процессъ постепеннаго наростанія и смѣны цѣнностей, то же направленіе; и сверхъ всего—совпадающую сущность цѣнностей, какъ относительныхъ, преходящихъ, подводящихъ, такъ и абсолютныхъ, ведущихъ.

Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть, съ культурной, философской или чисто моральной—великій потокъ исторіи тотъ же, течетъ въ ту же сторону. Человѣчество плѣнено, заворожено однѣми и тѣми-же цѣлями; и не все ли равно, если еще не одинаковыми словами онѣ опредѣляются?

Впрочемъ сходятся подчасъ и слова. О единствѣ историческаго движенія, о волѣ человѣка въ единеніи съ міровой волей, о смѣнѣ цѣнностей, какъ о „лѣстницѣ истинъ“, о вѣчномъ, всепокрывающемъ Тріединствѣ,—говорилъ десятки лѣтъ тому назадъ міровой мыслитель Ибсенъ (да и не онъ одинъ), вовсе не считавшій себя *христіаниномъ*. Но мы уже видимъ его въ самомъ сердцѣ христіанства, вмѣстѣ съ его чисто христіанскими словами и мыслями, такъ-же, какъ и Лессинга, и многихъ мыслителей XIII вѣка, говорившихъ о „трехъ возрастахъ міра“. Или Франція 1789-го года: въ ней знакомыя слова „свобода, равенство и братство“ зажгли огонь новыхъ явленій. Кто помнилъ и думалъ о Христѣ, строя храмъ Разума? Это была вовсе не „христіанская“ метаморфоза. И до послѣдней ясности—христіанская; кромѣ совпаденія „словъ“—это былъ одинъ изъ величественныхъ взлетовъ, подъемовъ историческаго, *христіанскаго* пути.

На необразимыхъ пространствахъ времени происходитъ смѣна цѣнностей, воплощеніе новыхъ, перемѣна реальности, измѣненіе *фактовъ*. И мы вѣчно ошибаемся *во временахъ*. Изжитое, пройденное внутренно, притомъ не всей великой арміей человѣчества, а лишь авангардомъ, — кажется намъ порою изжитымъ дѣйствительно. Но оно еще не продернуто сквозь всю толщу человѣчества. И новое, видимое, но не всѣми осязаемое, не можетъ родить своего, новаго, реализма.

Есть высокія цѣнности, которыя не подлежатъ смѣнѣ, но подлежатъ измѣненію, преображенію. Это—не гибель. „Развѣ гибнетъ дитя — въ юношѣ, юноша - въ зрѣломъ мужѣ?“—говоритъ мудрецъ. И преображенію, претворенію наступаетъ свой часъ. Но вотъ онъ длится; подлежащее перемѣнѣ явленіе живетъ въ старомъ образѣ дольше назначенныхъ временъ; человѣчество не направило нужныхъ силъ и вниманія въ его сторону. Лишь когда старая, непреображенная цѣнность порождаетъ свои, старые, факты, повторяетъ свои формы жизни и борьбы, о которыхъ мы уже навѣрно знаемъ, что они недолжны, нежеланны, — мы опоминаемся. Какъ—это? Опять это? Но вѣдь мы же не хотѣли этого, мы вѣрили, что оно осталось въ прошломъ, что мы его переросли, пережили?

Одно изъ такихъ жизненныхъ, яркихъ, явленій, многими считавшееся пережитымъ—война. Думали, а вѣрнѣе надѣялись, что именно эта форма борьбы уже отошла и не вернется, что на очереди другая борьба, въ совсѣмъ другихъ разрѣзахъ, съ другимъ содержаніемъ.

Но война вернулась.

Я не буду излагать здѣсь всеобщаго, всѣми безъ спора принимаемаго, современнаго взгляда на войну. Онъ слишкомъ извѣстенъ и единъ со всѣхъ точекъ зрѣнія,—съ культурной, этической, философской, религіозной—какой угодно. Фактъ войны показываетъ, что этотъ „взглядъ“ еще не вошелъ въ плоть и кровь человѣчества; но кое что онъ уже измѣнилъ реально. Замѣтимъ напримѣръ: ни одинъ изъ членовъ всенародной семьи не *говоритъ* о войнѣ (особенно предъ войной и въ началѣ ея) такъ, какъ говорили, нѣсколько вѣковъ тому назадъ,—всѣ. Пережита возможность *сказать* громко: „хочу войны. Иду на вы“. Явилось новое познаніе и слѣдствіе его—*новый стыдъ*.

Сама по себѣ война—явленіе очень цѣльное, негибкое и нерастяжимое. Оно мало способно измѣняться. Смыслъ и содержаніе войны если растутъ, то сейчасъ же ломаютъ форму, т. е. уничтожаютъ войну, а не даютъ ей какіе нибудь новые облики. Война—непремѣнно кровавая борьба условныхъ (государственныхъ) или природныхъ (національныхъ) коллективовъ между собою, ведущаяся или ради пріобрѣтенія чужихъ благъ, или ради защиты своихъ, или, наконецъ, ради сохраненія даннаго коллективнаго единства; война—борьба непремѣнно въ вертикальномъ разрѣзѣ:—вѣдь она зачинается сверху и лишь доходитъ до низовъ. Рѣзкость вертикальныхъ линій, дѣлящихъ человѣчество на коллективы условные или природные (государства или племена)—предпосылка войны, ея необходимая почва. Война—одно изъ частныхъ слѣдствій такого именно дѣленія человѣчества. Самый же процессъ войны, „дѣло“ войны, властно требуетъ отъ дѣлающихъ опредѣленнаго, гармонирующаго съ дѣломъ, состоянія духовнаго. Когда шли войны филистимлянъ съ евреями, даже когда варвары надвигались на Римъ, внутреннее состояніе воюющихъ было естественно (и праведно, по времени) на уровнѣ ихъ дѣла. Для того же дѣла *теперь*—необходимо *сниженіе* духа и сознанія, отступленіе съ уже занятыхъ позицій. Вѣдь предъ тѣмъ осознаніемъ войны, отношеніемъ къ ней, которое уже достигнуто современнымъ человѣчествомъ, духовное состояніе, потребное для войны можетъ казаться возвращеніемъ вспять. Да и кажется такимъ въ нормальное время.

Чтобы перебросить хоть какой нибудь мостикъ черезъ черту, которая легла между современнымъ духомъ, войну

переросшимъ, и совершающимся фактомъ, „дѣломъ“ войны, пытаются вложить въ самое дѣло, внутрь его, новый смыслъ: война ради отрицанія войны, война ради мира. Но внутрь войны нельзя вложить никакого смысла, кромѣ ея собственнаго, рамки войны нераздвижимы. Безцѣльны старанья возвысить войну какъ таковую: *надо снизиться до нея*; и счастливы тѣ, кому дано сдѣлать это съ инстинктивной простотой. „Война есть наитруднѣйшее подчиненіе Богу. Простота есть покорность Богу: отъ Него не уйдешь. И *они* просты“. (Л. Толстой).

„Они“, это—главная толща человѣчества, это—народная воюющая масса, которая снижается (все-таки снижается) просто, мгновенно, инстинктивно, почти физіологически: здоровый организмъ защищаетъ себя, приспособляясь къ условіямъ. „Они“ уже „не думаютъ, а дѣлаютъ“, и легко „возвращаются на круги свои“, когда это надо.

Но какъ „возвратиться“ окрѣпшему духу того авангарда человѣчества, который уже почти коснулся (или казалось, что коснулся) новыхъ міровыхъ цѣнностей, который былъ готовъ (или казалось, что готовъ) къ инымъ битвамъ? Какъ угасить новый духъ, если онъ не гаснетъ?

Антимилитаризмъ—только одно изъ тысячи частныхъ убѣжденій, къ которымъ привела сложная духовная работа. Передовая часть человѣчества, всѣ сознательно-волевымъ образомъ участвующіе въ единомъ Великомъ Движеніи, всѣ, ковавшіе оружіе для иныхъ формъ борьбы, въ иныхъ разрѣзахъ, твердо вѣровавшіе, что „снижение войны“ почти невозможно, всѣ они стали предъ рѣзкой антономіей жизни. Потому что война пришла.

Разрѣшенія не было, а рѣшенія представлялось три: 1) открыто, упрямо (и безплодно) идти противъ совершающагося, 2) оторваться и замереть въ созерцаніи, и наконецъ 3) отречься отъ того, что вчера лелѣялъ какъ правду, придумать наскоро, на время, что нибудь смягчающее, вродѣ „новаго смысла войны“, и, соединившись со вчерашними противниками противъ вчерашнихъ единомышленниковъ, отдать себя войнѣ, ея стихійнымъ порывамъ: она быстро потушитъ духъ, дастъ легкость забвенья.

Этими тремя путями и пошли, раздѣлившись между собою, сознательные люди. Большинство пошло третьимъ, послѣднимъ, путемъ и тѣмъ легче, чѣмъ меньше было разстояніе между ними и правительствомъ данной страны. Разстояніе это оказалось очень малымъ въ Германіи, самой милитарной изъ странъ; но лишь потому, что антимилитаризмъ ея „сознательныхъ“ сыновъ оказался самымъ поверхностнымъ. Быстро перешегнули раздѣляющій ровъ сознательные соціалисты, культурники и т. д. (то есть „христіане“) другихъ европейскихъ странъ. Ровъ былъ не широкъ, а счастливое положеніе этихъ странъ, какъ не начавшихъ войны, облегчало пути къ ея оправданью. Стихійная сила войны додѣлала остальное, возстановила тѣ именно чувства и тѣ инстинкты, которые для войны пригодны.

Труднѣе всѣхъ было Россіи. Толстовскіе „они“,—солдаты, народъ,—конечно не желавшіе войны (*никакой* „народъ“ не могъ бы теперь пожелать войны, начать ее)—пошли съ той живой легкостью, снизились съ той покорной простотой, о которой думаетъ Пьеръ Безуховъ. Но русскій сознательный человѣкъ, интеллигентъ или не интеллигентъ, совершившій извѣстную духовную работу съ тяжелой глубиной, дорожитъ пріобрѣтеннымъ. Да и противники его, бороться съ которыми онъ хотѣлъ съ правомъ и радостью, такъ и остались до конца яркими противниками. Неизбѣжное съ ними, для войны, соединеніе требуетъ оправданія серьезнаго, отвѣтственнаго и честнаго.

Именно у насъ были испробованы всѣ три пути. И завѣдомо безсильный, прямолинейный протестъ, и воздержанье-уединенье, и наконецъ принятіе войны, участіе въ ней, но съ попытками идейнаго оправданія „именно этой войны“ всякими болѣе или менѣе удачными аргументами.

Третій путь былъ особенно тяжелъ для многихъ изъ насъ. Вѣдь приходилось „возвращаться назадъ“, снижаться, волей вводить себя туда, откуда волей выходилъ,—и это *безъ всякихъ* отвѣтовъ на ропщущіе вопросы совѣсти, потому что какіе же отвѣты—„данная война“, „народная“, „культурная“ и т. д.? Какое же тутъ оправданіе войнѣ, которая все-таки въ полнотѣ—война, со всѣми, до послѣдней мелочи ей присущими. свойствами? Ничья совѣсть не скажетъ, что это—не такъ. Значитъ, идти противъ совѣсти, съ чуствомъ измѣны тому, что и теперь дорого, и теперь кажется единственно вѣрнымъ и святымъ. Ощущеніе измѣны—стопудовыя гири на ногахъ. Оттого такъ тяжело идти, такъ почти невозможно сказать другому, равному, спрашивающему—„иди“.

Какъ ни сложны и разнообразны людскія души, вотъ эта рана душевная во многихъ есть, и страданья отъ нея не выдуманныя, а самыя настоящія. Одинъ запасной, крестьянинъ, служившій во времена японской войны и успѣвшій послѣ нея всякихъ видовъ навидаться, писалъ послѣ призыва: „Дѣйствительно воевать надо. Но душа моя осталась вѣрна себѣ. *Съ чѣмъ* ей покориться войнѣ?“.

Да, вотъ именно — *съ чѣмъ* идти, если душа „вѣрна себѣ?“

Что же намъ дѣлать? Неужели вѣренъ этотъ тяжкій третій путь и облегчить его можетъ только забвенье?

Да, онъ—вѣренъ, другого пути нѣтъ. Вѣренъ въ томъ, что идти на войну, принять войну, снизиться, возвратиться—*надо*. Но путь этотъ не долженъ быть измѣнническимъ. Потерять душу, положить душу свою должно, а измѣнить ей нельзя. Не потому мы примемъ войну, что вотъ эта война — какъ бы не война, какъ бы чѣмъ-то можетъ быть оправдана. *Ничѣмъ* она не можетъ быть оправдана. На войну честно надо смотрѣть, какъ на поворотъ назадъ, загибъ,

Переноска пулемета индійскими пѣхотинцами.

Выѣздъ на позицію.

петлю, удлиняющую всемірный путь человѣчества. Возвращеніе, петля,—но вѣдь не рокъ-же это, не фатумъ? Вѣдь путь-то *нашъ*, мы шли; не на каждомъ ли изъ насъ (все равно въ какой мѣрѣ) лежитъ человѣческая вина, что путь завернулся петлей? Не виноваты ли мы всѣ, и болѣе ясно видящіе, болѣе знающіе, не болѣе ли другихъ виноваты? Кто изъ полюбившихъ новую правду сильнѣе старой осмѣлится сказать, что онъ *всю* мѣру силъ отдалъ на служеніе ей, *всю* волю употребилъ на то, чтобы она вошла въ плоть міра?

Мы знали, что война—только частность, только слѣдствіе, только яркій цвѣтокъ, разцвѣтающій на соотвѣтственной почвѣ. Мы даже говорили, что знаемъ, въ какихъ направленіяхъ, какими плугами нужно обрабатывать земное поле, чтобы не росли на немъ цвѣты войны. Но много ли капель нашего пота упало на землю?

Мы шли по воздушнымъ ступенямъ, когда легко повторяли имена великихъ грядущихъ истинъ: „всечеловѣчество", „универсализмъ", „братство", „вселенскость", и думали, что онѣ сами собой войдутъ въ міръ, сами, безъ нашихъ усилій, измѣнятъ порождающія войну старыя цѣнности. Мы хорошенько не знали ни существа этихъ старыхъ цѣнностей, ни того, почему онѣ подлежатъ измѣненію, а не уничтоженію. Намъ казалось, что „изжитая" истина не значитъ „исполненная" истина, а просто зачеркнутая, да еще только мыслью.

Медлительные въ познаніи, въ работѣ, въ волѣ,—не мы-ли виноваты, если замедляется Великое Движеніе, удлиняется путь, завернувшись петлей? Эта петля—дѣло и нашихъ рукъ; какъ же намъ отказываться отъ своего дѣла?

Общая воля не была достаточна для сдвига; и вотъ на старыхъ мѣстахъ загорѣлся старый костеръ—война. Онъ—не кара намъ, но знакъ. Нельзя сходить съ пути Великаго Движенія, а сейчасъ этотъ путь лежитъ черезъ огонь костра. Нельзя не идти на войну, какимъ бы „возвратомъ назадъ", сниженіемъ, она ни была. Но можно и должно идти вольно, съ открытыми глазами, безъ жажды забвенья, безъ насильственныхъ оправданій неоправдываемому, съ чувствомъ всей своей вины, всей своей отвѣтственности. Пусть мнѣ не говорятъ, что *такъ* принять войну, отдать себя войнѣ нельзя, потому что это принятіе включаетъ въ себя все ея непринятіе. Нѣтъ, только такъ и пойдутъ всѣ, войны не желавшіе, всѣ, въ комъ „вѣрна душа". Не малодушными измѣнниками войдемъ въ костеръ, но въ силѣ духа, съ радостнымъ желаніемъ, чтобы искупительный огонь этого костра былъ для насъ и огнемъ очистительнымъ, закаляющимъ волю для новой борьбы во имя новой Истины.

———

Можетъ быть, трудно, не нужно, стоя въ срединѣ огненнаго костра, помнить и говорить объ этихъ новыхъ истинахъ? Можетъ быть... но это не нужно лишь для тѣхъ—несчастныхъ,—кто кинулся на войну ради самой войны или сошелъ въ войну съ забвеніемъ и самооправданьемъ, не нужно для счастливыхъ, кому дана милость простоты.

Но мы приняли огонь, какъ искупительный; мы и въ самомъ сердцѣ его должны помнить, ради *чего* горимъ и и не хотимъ сгорѣть.

И если раньше мы шли воздушными ступенями, думая, что врѣзаемся въ землю, словесно отрицали, воображая, что воплощаемъ новыя утвержденія, ошибались во временахъ, произвольно ихъ строя,—то именно теперь, когда поданъ знакъ, не можемъ мы быть попрежнему безвольно-легки.

Война есть, но войны не будетъ. Война только частность, только слѣдствіе... чего же? Какія цѣнности, какія явленія должны измѣнить свой обликъ, чтобы упразднилась война?

То данное, откуда вытекаетъ и всегда можетъ вытечь война, есть дѣленіе человѣчества по продольному разрѣзу: группировка племенная, національная (природная, болѣе устойчивая) и государственная (условная, менѣе устойчивая). Для націй, наиболѣе совпадающихъ съ государствомъ (т. е. для наиболѣе національныхъ государствъ), война не то что возможнѣе, но протекаетъ ожесточеннѣе, безпощаднѣе, слитнѣе. Самоутвержденіе государства и самоутвержденіе націи—оба, каждое, хотя и не въ равной мѣрѣ, постулируютъ войну. Слитые, они даютъ двойную силу взрыва.

Оставимъ, насколько возможно, сторону государственную. Что же такое дѣленіе человѣчества на племена и народы, что такое „нація", „національность" съ точки зрѣнія Всемірнаго Христіанства?

Бельгискіе солдаты съ полковымъ бараномъ.

Въ схемѣ „трехъ возрастовъ міра"—въ главной линіи движенія человѣчества—нація, народъ стоятъ на *первомъ* мѣстѣ.

Первая, природная спайка, первичный коллективъ-организмъ—родъ, народъ. Необходима и праведна борьба такихъ народовъ-организмовъ между собою (война); это—борьба за жизнь, за свое единство. Выживаютъ наиболѣе стойкіе, наиболѣе спаянные въ единство; міру нужна крѣпость рода, народа, для дальнѣйшаго движенія. Такова *высшая* по временамъ цѣнность.

Но вотъ, какъ бы изъ нея же, является другая, новая; не народъ, утверждающій свое единство, себя какъ личность, а дѣйствительно единая Личность: утверждающій свое единство *Человѣкъ*.

Съ этого момента начинается дифференціація, и судьба первичнаго, *родового*, коллектива, какъ главной и высшей цѣности, предрѣшена. Онъ живетъ постольку, поскольку еще довершаются времена, поскольку еще происходитъ процессъ рожденія Человѣка—Личности.

Но въ мѣру явленности Человѣка—новаго единства—съ родового коллектива снимается печать *святости* (какъ высочайшей цѣнности). Мессіанство „народа" кончается съ рожденіемъ Мессіи—„человѣка". Истина народа, націи, дѣлается „*исполненной*" истиной. Она не гибнетъ,—можетъ ли погибнуть истина? «гибнетъ ли дитя въ юношѣ?»,—но меркнетъ, отходитъ въ прошлое ея старый ликъ. Вѣчная же правда рода, народа, переходитъ въ человѣческое, претворяется въ *Человѣкѣ*. Національное не перестаетъ *быть*, но нераздѣлимо сливается съ Личнымъ, такъ что они уже Одно.

Въ старомъ же образѣ своемъ нація, племя, тѣмъ менѣе могутъ вмѣстить Личность, чѣмъ они сильнѣе. Въ моменты самаго яркаго утвержденія своего единства (напримѣръ во время войнъ) Личность даже не мыслится, какъ цѣнность. Ея права всецѣло уничтожаются правами націи.

Наша настоящая, *сегодняшняя*, борьба, должна быть именно борьбою за право *каждой* личности съ правами условнаго или природнаго коллектива. Она зачинается по новой линіи, даетъ новое дѣленіе, не вчерашнее, а сегодняшнее, горизонтальное.

Геніальный мыслитель прошлаго вѣка (тотъ самый, который думалъ, что онъ—не христіанинъ), сказалъ: „*Сегодня* и *вчера* борятся между собой, но побѣждаетъ—*Завтра*". Мы уже знаемъ кое что и о томъ Завтра, которое побѣдитъ. Знаемъ, что и вторая, вошедшая въ міръ, правда,—правда, о Человѣкѣ,—*не послѣдняя*; и она будетъ преображена, преодолѣна правдой о *Всечеловѣчествѣ*. Правдой новаго, уже не природнаго, а творческаго коллектива, новаго неразложимаго Единства.

„Вчера", „сегодня", „завтра",—было, есть, будетъ—они въ одно и то же время *и* реальность, *и* условность. Ихъ смѣна въ движеніи временъ для насъ неопредѣлима, неизслѣдима. Жизнь не укладывается въ одну узкую линію. Не все человѣчество всегда на одномъ и томъ же этапѣ Великаго Пути, да и путь не прямъ, не ровенъ, онъ съ подъемами и спусками, съ возвратными петлями.

Война—не борьба между „вчера" и „сегодня", это—борьба внутри „вчера". Но если для какой бы то ни было части человѣчества, большой или малой, еще жива и дѣйственна вчерашняя святыня,—она жива *для всѣхъ*. Смыслъ общаго историческаго пути, который объемлется вселенскимъ, тріединымъ, христіанствомъ,—именно *въ общности* этого пути. Воля человѣчества—достичь цѣли пути, „спастись"; но спастись оно можетъ лишь въ своей цѣлокупности. Если гибель—то общая, замедленія, возвраты на пути—общіе, и спасеніе—общее.

Мы не смогли утвердить наше „сегодня", не отдали всѣхъ силъ на то, чтобы загорѣлась борьба желанная, утренняя.

Мы ея еще не достойны: вѣдь мы или спали,—или ходили по воздушнымъ ступенямъ.

Обратимся же, вернемся къ землѣ, къ жизни, гдѣ сейчасъ пылаетъ нашъ вечерній огонь—*послѣдняя* война. Если онъ дѣйствительно будетъ для насъ огнемъ искупленія и очищенія, если мы, теряя душу, все таки не измѣнимъ ей,—совсѣмъ другими мы выйдемъ изъ огня. Съ другими силами мы встрѣтимъ наше утро, и оно уже не погаснетъ.

За нашей волей, за волей земного человѣчества, — встанетъ воля Божья.

З. Н. Гиппіусъ.

„Реймсскіи соборъ“ и г-жа Павлова.

1.

Въ прошлой статьѣ я обѣщалъ подробнѣе коснуться пьесы г. Ге „Реймсскіи соборъ“ и перваго выступленья въ ней передъ петроградской публикой извѣстной провинціальной артистки г-жи Павловой. Къ этому и перехожу теперь.

2.

Для нѣкоторыхъ музыкальныхъ произведеній нѣмцы создали остроумный терминъ: „Kapellmeistermusik“. По ихъ мнѣнію, отъ каждаго продирижированнаго произведенія у капельмейстера остаются лоскутки, изъ которыхъ онъ легко можетъ сшить „оригинальное произведеніе“—оперу или симфонію.

То же самое бываетъ и у тѣхъ актеровъ, которые любятъ баловаться перомъ. Отъ каждой сыгранной ими пьесы у нихъ въ памяти остаются схемы дѣйствій, остовы монологовъ, обрывки общихъ концепсій. И въ результатѣ: „съ міра по ниткѣ,—Григорію Григорьевичу пьеса“.

Сообразно съ этимъ пьеса и пишется-то въ совершенно обратномъ порядкѣ. Драматургъ par excellence намѣчаетъ сначала общую схему пьесы и по идейной канвѣ расшиваетъ цвѣточки—эффектныя положенія, монологи и т. п. А драматургъ-актеръ сначала выписываетъ „гвозди“ пьесы, а потомъ уже слѣпляетъ ихъ ввидѣ идейной нити „чѣмъ Богъ пошлетъ“. И получается, по поварской поговоркѣ, — „за вкусъ не ручаюсь, а горячо будетъ“!

По этому рецепту были написаны всѣ прежнія пьесы г. Ге. Но онѣ по большей части были дѣйствительно хорошо *сдѣланы*. А въ „Реймсскомъ соборѣ“, задавшись чисто спекулятивными цѣлями, авторъ поспѣшилъ и пьесу вообще не сдѣлалъ. Много эффектовъ, сильнодраматическихъ положеній, но ни малѣйшей связи—полный сумбуръ и хаосъ!

Спекулятивность замысла особенно бросается въ глаза во второй части пьесы. Авторъ расчиталъ, что нѣмцы обязательно возьмутъ Реймсъ и докончатъ начатое ими дѣло разрушенья реймсской святыни. Въ соотвѣтствіи со своими предположеніями авторъ представляетъ намъ городъ и соборъ въ германскихъ рукахъ. Можете ли вы представить себѣ, каковъ былъ бы фуроръ, если бы германцы ко времени премьеры этой пьесы дѣйствительно взяли Реймсъ? Пьеса, построенная на злобѣ послѣднихъ дней! Это ли—не рекордъ драматургической техники, это ли—не успѣхъ у той непритязательной публики, для которой кричащая клоунада всегда кажется ярче молчаливаго трагизма?

Но, слава Богу, г. Ге просчитался. Реймсъ попрежнему въ рукахъ французовъ, и „гвоздь“ пьесы пропалъ даромъ!

3.

Теперь о г-жѣ Павловой. Въ провинціи артистка уже создала себѣ крупное имя, и жаль, что ея первое выступленье въ Петроградѣ пришлось на такую неудачную пьесу, но которой нельзя рѣшить, какая доля отвѣтственности за неудачныя мѣста въ интерпретаціи ложится на характеръ дарованія артистки, и какая—на плохой текстъ.

Но и въ этой пьесѣ артистка выказала два крупныхъ достоинства: колоссальный сценическій темпераментъ и перевѣсъ экспрометальнаго творчества надъ выучкой и муштрой.

Въ дни юности мнѣ пришлось по два раза подрядъ видѣть Мунэ-Сюли въ „Царѣ Эдипѣ“ и Росси въ „Отелло“. И тогда еще меня поразило, что Мунэ-Сюли—каждый разъ одинаково хорошъ, а Росси—каждый разъ хорошъ по-разному. Затѣмъ, когда игралъ Мунэ-Сюли, можно было восторгаясь разбираться въ своихъ эмоціяхъ, а когда игралъ Росси, уже ни въ чемъ разбираться было невозможно: игра Росси захватывала васъ, какъ ураганъ, погружая въ какой-то сверхчувственный экстазъ. Когда игралъ Мунэ-Сюли можно было спокойно чистить апельсинъ, а во время игры Росси истиннаго театрала хоть булавкой коли: не почувствуетъ!

Игра г-жи Павловой всецѣло принадлежитъ школѣ Росси. Но вѣдь тотъ русскій актеръ добраго стараго времени, который создалъ величіе русской сцены, тоже былъ „школы Росси“! И я съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствую въ г-жѣ Павловой яркую индивидуальность, отъ которой мы уже начинаемъ отвыкать. Вѣдь теперь театръ отъ героя переходитъ къ толпѣ, отъ индивидуальности—къ ансамблю. Оглядываясь по сторонамъ, я совершенно не представляю себѣ, кто изъ современныхъ молодыхъ артистокъ могъ бы сыграть роль Али къ пьесѣ г. Ге такъ же ярко, какъ г-жа Павлова. О, многія сыграли бы эту роль тоньше, многограннѣе, технически-искуснѣе, но никто не былъ бы способенъ такъ захватить васъ, увлечь, заставить до такой степени жить только сценическимъ дѣйствіемъ, какъ это удалось г-жѣ Павловой. Тѣ моменты, гдѣ въ Алѣ просыпается женщина-звѣрь, готовая на любую борьбу, на любой подвигъ, на любое преступленье, только чтобы удержать ускользающую любовь близкаго человѣка, были моментами истиннаго, высокаго трагизма...

Да, надъ г-жой Павловой витаютъ великія тѣни. И теперь, когда русская сцена начинаетъ задыхаться въ тискахъ сѣраго модернизма, такъ отрадно было въ молодомъ и свѣжемъ дарованіи г-жи Павловой привѣтствовать отзвуки далекаго, безконечно милаго, великаго прошлаго!

Евг. Мауринъ.

Объ искуествахъ и литературѣ.

Вѣсти и мнѣнія.

1.

Живопись.

Въ Художественномъ бюро *Н. Е. Добычиной* открылась еще одна выставка въ пользу лазарета дѣятелей искусства. Любопытна она во многихъ отношеніяхъ. Художники не поскупились и дали много отличныхъ вещей. Среди нихъ немало молодежи, прямо отъ школьнаго мольберта. И вотъ тутъ-то у нѣкоторыхъ нельзя не замѣтить очень печальнаго обстоятельства. Назовемъ его прямо: шарлатанства.

Сейчасъ очень важный моментъ въ живописи. Сейчасъ переломились взгляды на форму и цвѣтъ. Сейчасъ широкая дорога исканіямъ. И еще болѣе широкая дорога поддѣлкамъ подъ исканія, подъ опредѣлившіся уже вкусъ публики къ новому. Этотъ тлетворный духъ чувствуется въ залахъ Н. Е. Добычиной. Часто примѣшивается къ нему не меньшее зло: беззастѣнчивое диллетантство.

Прослѣдимъ по каталогу работы художниковъ этой выставки. *Альтманъ*, съ котораго начинаются теперь каталоги всѣхъ выставокъ, далъ прелестные этюды Брюгге *). Особенно удалась тема № 4, взятая дважды въ карандашѣ и масломъ. Любопытенъ автопортретъ его. *Анисфельдовскій* этюдъ Капри сумбуренъ. Съ любовью пройдешь мимо старой «Сѣверной деревни» *Архипова*. У кн. *Бебутовой* хороши парижскіе газетчики. *А. К. Бенуа* далъ не лучшіе эскизы костюмовъ къ Мольеру и меланхолическій этюдъ рамбовскаго парка. У *Бобышева* еще нѣтъ умѣнья, но есть острота, которая теперь въ модѣ. Строги рисунки *Богаевскаго*. *Бродскій* очень непріятенъ въ старыхъ своихъ вещахъ, выставленныхъ здѣсь. Возмутительна его манера употреблять кисть, какъ перо, и мазокъ сводить къ царапинѣ. Лучше другихъ рисунокъ ребенка, не помѣченный въ каталогѣ. Фарфоръ *Брускетти* слащавъ и конечно раскупленъ. *Давидъ Бурлюкъ* (въ каталогѣ нѣтъ) человѣкообразенъ: дерево, какъ дерево, на этомъ его этюдѣ. *Гранди*, иллюстраторъ, не увлекаетъ, какъ портретистъ и декораторъ. Прекрасную «улицу въ Черниговѣ» выставилъ *М. Добужинскій*. А этюдъ кабинета Ставрогина еще глубже, чѣмъ исполненіе его на сценѣ у художественниковъ. Тоскующая чувственность видна въ рисуночкахъ *Жуковской-Бакъ*. Начинающій *Ивановъ*—изъ тѣхъ, о комъ мы пишемъ въ началѣ этой статьи. Плоски, неправдивы, выдуманны и никчемны его этюды. Нѣтъ, это не исканія, а поддѣлка. Вѣдь вотъ же виситъ рядомъ съ нимъ замятерѣлый въ исканіяхъ *Н. Кульбинъ*. И какъ свѣжи его работы углемъ и цвѣтомъ! Особенно хорошъ безпощадный портретъ Чуковскаго, тоже «искатетеля» (въ каталогѣ нѣтъ). Пышенъ *Латри*. *Лермонтова* ищетъ на тѣхъ же путяхъ, что и Ивановъ. Бѣдный поэтъ, памяти котораго посвящены рожи съ содранной эпидермой! И такого нескладнаго Прометея мы еще не видали. Синтезъ миѳовъ тоже лучше бы предоставить древнимъ грекамъ (У Лермонтовой «Икаръ» и «Прометей» соединены на одномъ полотнѣ). Рисунки ея робки. *Линдеманъ* неудачна здѣсь. *Лукомскій*—романтиченъ и юнъ въ своихъ этюдахъ Кракова. *Миссъ*, какъ всегда, однообразна. Это механическая красота, на которую уже есть спросъ. *Митрохинъ* лубка не понимаетъ. Недурные есть этюды у *Мостовой*. *Нарбутъ* сталъ акварелистомъ. Это новость, но не болѣе. Что такое *Нахманъ*? Кто его учитель? *Нестеровъ*, какъ всегда, безграмотенъ въ рисункѣ. Этюды *Оболенской* диллетантичны. Съ болью смотришь на рисунки *Радакова*. «Сатириконъ» губитъ въ немъ художника. №№ 143, 151, 152 показываютъ, что онъ можетъ ярко и конструктивно работать. Но какой кошмаръ сатириконизма его Бельгія! *Ре-ми* карикатуристъ на любителя. *Рерихъ* далъ прекрасную, большую по замыслу, работу. Трогателенъ безпомощностью своей и любовью къ изображаемому *Ростиславовъ*. Мила *Серебрякова*. У *Судейкина* отмѣтимъ острый автопортретъ по программѣ къ «Секрету Сюзанны». Чернильные наброски *Сѣрова* полны силы. Обѣщаютъ развитіе работы *Ходасевича*. *Чудовская-Зельменова* «ищетъ» и уже «нашла» способъ одурачивать публику и даже критиковъ. Необычайно ново! Необычайно смѣло! И всетаки чистѣйшая поддѣлка. Нельзя путать графику съ живописью, какъ дѣлаетъ она это въ портретахъ Мандельштама и Ахматовой. Въ пору передвижникамъ разлиновывать всѣ узоры на манжетахъ и обводить контура. Въ лиловомъ головастикѣ мы не узнали Ахматовой. Этюды Тулона много честнѣе, много ближе къ искусству. *Кн. Шервашидзе* далъ огорчительный этюдъ. У *Шестопалова* Италія схвачена внѣшне. Чувствуется растерянность предъ натурой. Ярки этюды *Шилинговскаго*. *Шухаевъ* далъ кропотливыя, серьезныя сангвины, достойныя всякаго уваженія, но врядъ ли нужныя современному искусству.

Vigens.

*) Репродукціи этихъ этюдовъ появятся у насъ.

II.

Литература.

Ѳедоръ Сологубъ закончилъ новую большую повѣсть подъ заглавіемъ «Остріе меча».

Печатается и выходитъ въ свѣтъ книга стиховъ Сергѣя Городецкаго «Четырнадцатый годъ».

Вышли «Стихи о войнѣ» Маріи Моравской. Не особенно строгіе по формѣ, они любопытны содержаніемъ. Въ нихъ запечатлѣно преломленіе великихъ событій въ маленькой душѣ. Весь доходъ авторомъ и издателемъ предоставляется въ пользу воиновъ. Цѣна книжки 20 коп.

Книги.

Отмѣчаемъ любопытную книжечку молодого дѣтскаго книгоиздательства «Медвѣженокъ». Называется она «Чудесное яблоко. Иванушко-Сергюшко. Сказки и рисунки Ефима Честнякова». Текстъ и графика дышатъ глубокимъ своеобразіемъ. Нѣкоторые рисунки особенно хорошо передаютъ чудеса дѣтскаго воображенія. Художникъ этотъ совсѣмъ неизвѣстенъ, а между тѣмъ его работы примыкаютъ къ ряду работъ, начатому нашими народниками, Полѣновой и Якунчиковой, и заглохшему послѣднее время въ тѣснинахъ петроградской графики. Къ недостаткамъ рисунковъ Честнякова надо отнести нѣкоторое однообразіе лицъ и жестовъ. Большимъ достоинствомъ ихъ является простота и задушевность, подлинная близость къ дѣтской душѣ, что встрѣчается совсѣмъ рѣдко.

III.

Архитектура.

Невскій продолжаетъ обезображиваться. Скромные дома тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ исчезаютъ одинъ за другимъ, и на мѣстѣ ихъ водружаются чудовища въ стилѣ самаго пошлаго модернизма. Только что сняты лѣса съ дома № 80 вблизи Литейнаго. Ничего утѣшительнаго за этими лѣсами не оказалось. Въ самомъ центрѣ города оказалась безсмысленная, бездарная постройка. Неужели нельзя обязать домовладѣльцевъ показывать городу то, что они хотятъ ему преподнести? Петроградъ изумителенъ именно единствомъ своего стиля, но мы безнадежно искажаемъ завѣщанную предками красоту.

Временно пріостановлена постройка Дворца Искусствъ на Михайловской площади.

Музыка.

Вѣнокъ на могилу А. Г. Рубинштейна.

(Концертъ Куссевицкаго).

Двадцатилѣтіе со дня кончины незабвеннаго создателя Императорскаго русскаго музыкальнаго общества вызвало цѣлый рядъ фельетоновъ. Въ сочувственныхъ краскахъ рисовалась его необычайная по энергіи музыкально-просвѣтительная дѣятельность. Славили его, какъ безподобнаго виртуоза, и сожалѣли о томъ, что этотъ великій музыкантъ былъ такимъ „поверхностнымъ" композиторомъ. Двадцать лѣтъ прошло со дня кончины творца „Маккавеевъ", и до сихъ поръ не исполнились слова А. Г. Рубинштейна: „Игнорируемый композиторъ долженъ утѣшаться надеждой, что когда нибудь и на музыкальномъ поприщѣ будутъ производиться раскопки". Наоборотъ, творчество его не только не раскапывается, а какъ будто все глубже закапывается.

У Рубинштейна—весьма богатый списокъ всякаго рода композиціи. Шесть симфоній, музыкально-характеристическія картины „Фаустъ", „Иванъ Грозный", „Донъ-Кихотъ", цѣлый рядъ фортепіанныхъ концертовъ, пять крупныхъ духовныхъ произведеній (среди нихъ „Моисей" и „Христосъ"), четырнадцать оперъ ждутъ своего музыкальнаго воскресенія.

Бельгійцы несутъ солому на позиціи.

Но никто не тревожитъ тѣни композитора Рубинштейна. Онъ самъ говорилъ о себѣ, какъ о существѣ достойномъ сожалѣнія: „Для евреевъ я—христіанинъ, для христіанъ—еврей; для русскихъ я—нѣмецъ, для нѣмцевъ—русскій; для классиковъ я—будущникъ, будущникамъ—ретроградъ. Заключеніе: ни рыба, ни мясо". Этотъ выводъ позоритъ, однако, не Рубинштейна, а тѣхъ, которые считаютъ его „христіаниномъ изъ іудеевъ" и „нѣмцемъ изъ русскихъ".

Тотъ, кто написалъ „Моисея" и „Христа", создалъ своего „Фауста", но вмѣстѣ съ тѣмъ „Эроику" и „Россію", кто является авторомъ не только „Демона" и „Нерона", но и „Маккавеевъ" и „Купца Калашникова", не долженъ быть преданъ забвенію, для него должно быть мѣсто какъ въ симфоническомъ, такъ и въ оперномъ репертуарѣ. Такъ же горячо, какъ Вагнеръ, Рубинштейнъ мечталъ о своемъ театральномъ храмѣ для созданныхъ имъ „духовныхъ оперъ". Неужели дирекція Императорскихъ театровъ не приступитъ къ осуществленію одного изъ самыхъ завѣтныхъ мечтаніи великаго автора „Потеряннаго рая": къ инсценировкѣ его духовныхъ оперъ? Неужели основанное имъ Императорское русское музыкальное общество не сочтетъ себя обязаннымъ почтить его память устройствомъ цѣлаго цикла музыкальныхъ вечеровъ, посвященныхъ исключительно произведеніямъ своего перваго директора петроградской консерваторіи? Отчего ни одно изъ современныхъ концертныхъ учрежденіи не включаетъ въ свои программы ту „Праздничную увертюру"—„Fest Ouverture", въ которой авторомъ использованъ англійскій народный гимнъ „God save the king" настолько удачно, что даже Шуманъ похвалилъ это твореніе, въ первый разъ исполненное, кстати говоря, въ 1854 г.

Современное поколѣніе проявляетъ непростительное къ А. Г. Рубинштейну отношеніе, тѣмъ болѣе прискорбное, чѣмъ менѣе оно заслужено. Пока что объ основателѣ петроградской консерваторіи вспомнило одно только музыкально-историческое общество имени А. Д. Шереметева, почтившее его память устройствомъ лекціи съ музыкальными демонстраціями. Петроградское отдѣленіе Императорскаго русскаго музыкальнаго общества по обыкновенію опаздываетъ, а г. Куссевицкій настолько современенъ, что ему некогда думать, что „жилъ былъ когда то" А. Г. Рубинштейнъ.

Въ своемъ очередномъ концертѣ г. Куссевицкій демонстрировалъ двухъ композиторовъ, о которыхъ фактически можно сказать: „ни рыба, ни мясо". О московскомъ композиторѣ Н. Я. Мясковскомъ (род. 1881 г.), какъ и о петроградской комозиторшѣ Ю. Л. Вейсбергъ (род. 1879), затруднительно въ настоящее время сказать что либо опредѣленное, потому что они находятся въ стадіи развитія своихъ творческихъ данныхъ.

Н. Я. Мясковскій былъ представленъ симфонической поэмой „Аласторъ", г-жа Вейсбергъ симфонической картиной „Ночью". Оба произведенія программнаго характера и были исполнены въ первый разъ. Г. Мясковскій воспользовался для своего творенія весьма подходящимъ для музыкальной иллюстраціи сюжетомъ поэмы „Аласторъ" англійскаго поэта Шелли, созданной имъ сто лѣтъ тому назадъ (1815 г.) Поэтическая основа не получила однако соотвѣтствующаго звуковаго воплощенія потому, что композиторъ не позаботился о должной тематической яркости и необходимыхъ контрастахъ.

Г. Мясковскимъ удачно схваченъ общій мрачный тонъ поэмы. Однако душевная драма героя, его страстная, но тщетная погоня за миражнымъ идеаломъ, не очерчены достаточно выразительными красками; хорошо передано только настроеніе одиночества, мизантроніи героя.

Въ партитурѣ г. Мясковскаго тѣмъ не менѣе немало интересныхъ гармоническихъ пріемовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что композиторъ пожалуй болѣе думаетъ, нежели чувствуетъ. Подкупающей искренности нѣтъ въ его творении.

Для симфонической картины „Ночью" г-жей Вейсбергъ взято въ качествѣ эпиграфа стихотвореніе Тютчева—„Ночной порой, въ пустынѣ городской, есть часъ одинъ, проникнутый тоской, когда на цѣлый городъ ночь сошла и всюду воцарилась тьма и даль". Полная настроенія лирика Тютчева иллюстрирована чрезмѣрно тяжелыми и жуткими красками. Въ партитурѣ г-жи Вейсбергъ нѣтъ тѣхъ „безукоризненныхъ красотъ", о которыхъ говоритъ Скабичевскій, характеризуя „скучноватого" Тютчева. Зато ея музыка не лишена извѣстной искусственности, придающей творенію совершенно другой характеръ, чѣмъ это требуется по тютчевскому эпиграфу. Тѣмъ не менѣе нельзя отказать г-жѣ Вейсбергъ въ умѣніи создать настроеніе и пользоваться оркестровымъ аппаратомъ. Въ цѣломъ однако ея партитура нѣсколько длинна и скучна.

Ник. Бернштейнъ.

КНИЖНЫЕ ФОНДЫ БИБЛИОТЕКИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г. (10-й г. изд.)
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ВСЕМІРНАЯ НОВЬ

главное вниманіе обращающій на ШИРОКОЕ и ИНТЕРЕСНОЕ отраженіе **СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ**, въ томъ числѣ текущей **ВОЙНЫ**, и знакомящій съ НОВИНКАМИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Гг. подписчики 1915 г. получатъ:

186 ВЫПУСКОВЪ ЖУРНАЛА И ПРИЛОЖЕНІЙ:

52 №№ „ВСЕМІРНАЯ НОВЬ“ романы, разск. и иллюстраціи **войны** и проч. событій современной жизни.

52 №№ „СМѢХЪ и САТИРА“ юморист. разсказы, каррик. Въ обоихъ журн. въ году 3750 столбц. текста съ 2000 рис.

КРОМѢ ТОГО

12 №№ отд. „Хозяйка дома“ (300 рис. модъ, хозяйст. совѣты).

КАЛЕНДАРЬ отрывной Ежедневникъ на 1916 г. (366 отрывн. лист.) на папкѣ для подвѣшиванія на стѣнѣ.

КАРТИНА большого размѣра **„СВИДАНІЕ“ БЕЗПЛАТНО** буд. дана тѣмъ подписчик., котор. до 1-го мая 1915 г. внесутъ всю плату.

68 КНИГЪ (6500 стран. РОМАНОВЪ, повѣстей и статей) по **АБОНЕМЕНТУ № 1:**

20 КНИГЪ романовъ, повѣст. и разсказ. извѣстн. писат. **А. АПРАКСИНА** свыше 35 увлекательныхъ произведеній преимущ. изъ аристократической жизни.

12 КНИГЪ РОМАНОВЪ, повѣст. разныхъ русскихъ авторовъ, подъ общ. названіемъ **„ДРАМЫ ЖИЗНИ“**

12 КНИГЪ НОВАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО СОБРАНІЯ РУССКИХЪ РОМАНОВЪ лучшихъ современн. авторовъ на темы текущей ВОЙНЫ, историч. и бытов.

24 книги журнала „СБОРНИКЪ ЛИТЕРАТУРЫ“ — до 500 разсказ., стих. и разн. стат.

Съ 68 КНИГАМИ

ПОДПИСН. ЦѢНА „ВСЕМІРНОЙ НОВИ“

За ГОДЪ съ перес. **7 р. 50 к.** | За ПОЛГОДА **3 р. 75 к.** | За ТРИ мѣсяца **1 р. 90 к.**

Приним. УДЕШЕВЛЕННАЯ ПОДПИСКА на „Всем. НОВЬ“ съ прилож. но съ уменьшеннымъ количествомъ книгъ по

АБОНЕМЕНТУ № 2:

ТРИДЦАТЬ ДВѢ КНИГИ (20 кн. собр. соч. **А. Апраксина** и 12 кн. ром. **„Драмы жизни“**.)

АБОНЕМЕНТУ № 3:

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ КНИГЪ (12 кн. **Русскихъ романовъ** и 24 кн. **„Сборника Литерат.“**).

УДЕШЕВЛЕННАЯ ЦѢНА „ВСЕМІРНОЙ НОВИ“ съ книгами по абонементамъ №№ 2 или 3:

За ГОДЪ съ пересыл. по Россіи **5 р.** | За ШЕСТЬ мѣсяцевъ **2 р. 60 к.** | За ТРИ мѣсяца **1 р. 35 к.**

Необходимо при ПОДПИСКѢ УКАЗЫВАТЬ № абонемента.

Подробная ПРОГРАММА безплатно.—Подписка адресуется въ Акц. О-во ИЗДАТ-ВА А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114, а также **САДОВАЯ, д. 20** (прот. Гостинаго, 3-й домъ отъ Невск.) —Въ МОСКВѢ, Петровскія линіи, въ конторѣ Печковской.—

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на ПЕРВЫЙ русскій

иллюстрированный ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ еженедѣльникъ

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

выходящій съ октября **1914** г.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—первый русскій иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью — соединить **художественность** и **серьезность** съ **занимательностью** и **разнообразіемъ**.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“—литературно-публицистическій журналъ. Въ области изящной литературы онъ ищетъ прежде всего самобытности и свѣжести, въ публицистикѣ—**углубленнаго** толкованія текущихъ вопросовъ, нынѣ же—преимущественно вопросовъ, связанныхъ съ войной.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ отстаиваетъ въ своихъ политическихъ статьяхъ **прогрессивныя** начала въ **государственной** ихъ постановкѣ и стоитъ за сильную, свободную и единую Россію.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ охотно допускаетъ на своихъ столбцахъ **принципіальные споры,** поскольку они касаются философскихъ основъ политической мысли.

Каждый номеръ „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ содержитъ **не менѣе двухъ большихъ разсказовъ** и рядъ статей и замѣтокъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ въ первыхъ же своихъ номерахъ напечаталъ

беллетристическія произведенія

А. А. Ахматовой, Александра Блока, В. Брусянина, Б. Верхоустинскаго, Сергѣя Городецкаго, Н. Зворыкина, Георгія Иванова, В. М. Карачаровой, Карменъ, В. Кохановскаго, Д. А. Крючкова, А. А. Бѣлъ-Конь-Любомирской, В. В. Муйжеля, А. М. Ремизова, Ѳедора Сологуба, Игоря Сѣверянина, Ан. Чеботаревской, К. Зрберга и др.

и публицистическія статьи

Влад. Азова, проф. К. И. Арабажина, В. Н. Гиппіусъ, Леонида Галича, А. С. Изгоева, В. Я. Ирецкаго, проф. А. В. Карташева, Антона Крайняго, проф. М. А. Курчинскаго, Д. С. Мережковскаго, И. Накатова, проф. В. Плетнева, Е. Семенова, проф. К. Н. Соколова и др.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ печатаются еженедѣльные **обзоры войны Георгіевскаго** (Г. П.), а также **письма съ войны** собств. корреспонд. **В. Сергѣева**.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ удѣлено много вниманія событіямъ и теченіямъ чисто культурнаго характера: въ искусствѣ, литературѣ, наукѣ.

Въ „ГОЛОСѢ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатается отдѣлъ **„Объ искусствахъ и литературѣ**. Вѣсти и мнѣнія“, составленный изъ сообщеній, оцѣнокъ и откликовъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ еженедѣльно печатаетъ статью **Евг. Маурина** о текущихъ театральныхъ событіяхъ.

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ богато иллюстрированъ. Въ первыхъ же номерахъ были помѣщены рисунки **М. В. Добужинскаго, Л. В. Квятковскаго, Д. С. Митрохина, П. В. Митурича**, заставки и наброски художниковъ: **Бруни, Кунса, Милашевскаго, Энсснера** и др., а также многочисленные фотоэтюды и фотографіи собственныхъ корреспондентовъ съ театра военныхъ дѣйствій. Въ номерѣ не менѣе 25 иллюстрацій.

Съ конца ноября обложка „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ будетъ печататься по способу многоцвѣтнаго печатанія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ за ГОДЪ съ пересылкой—4 р. 50 к.

По 31-ое декабря 1914 г.—1 руб. (Первые четыре номера отпечатаны вторымъ изданіемъ.)

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ на 1915 г., а именно: при подпискѣ—**2 р. 50 к.**, къ 1-му іюня—**2 р.**

ПОДПИСКА АДРЕСУЕТСЯ ВЪ

Акціон. Общество ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ, Лиговская, 114.

Отдѣленія конторы: 1) ПЕТРОГРАДЪ, Садовая, 20, и 2) МОСКВА, Петровскія линіи, у Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ.

02788

1915 г. ЦѢННЫЕ ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ! 3-й годъ 9 изданія.

Открыта подписка на 1915 г., на двухнедѣльный, роскошный дѣтскій журналъ съ картинами въ краскахъ и подарками дѣтямъ.

ЖАВОРОНОКЪ

Широкая программа, литературная и научная. Постоянное участіе знаменитыхъ русскихъ писателей и ученыхъ. Большой отдѣлъ дѣтскихъ игръ, развлеченій и работъ.

Подписавшіеся на 1915 годъ получатъ:

24 роскошно иллюстрированныхъ выпуска литературнаго и научнаго журнала ДЛЯ ДѢТЕЙ, въ изящныхъ обложкахъ.

24 художественныхъ картины: въ краскахъ, на паспарту, фототипіи, автотипіи и друг. для дѣтской комнаты.

12 книжекъ съ картинками: РАЗСКАЗЫ для ДѢТЕЙ.

Забавную стѣнную картину въ краскахъ худ. В. Циглеръ. СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Интересные подарки дѣтямъ!

АЭРОПЛАНЪ БЛЕРІО модель изъ составныхъ частей для склеиванія, на 4-хъ листахъ папки.

Точная модель ГЛОБУСЪ какъ научное пособіе для склеиванія изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ папки.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА Модель зданія изъ составныхъ частей, для склеиванія, на 2-хъ лист.

МУЗЕИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. Модель зданія для склеиванія изъ составныхъ частей, на 4-хъ листахъ папки.

АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ИМПЕРАТОРСКІЙ ТЕАТРЪ Модель зданія для склеив. изъ составныхъ частей на 4-хъ листахъ.

ДВИЖУЩІЯСЯ ИГРУШКИ Альбомъ вырѣзныхъ изъ папки игрушекъ-самодѣлокъ.

25 картонажей для украшенія елки 25

въ древне-русскомъ стилѣ, художественно исполн. ЗОЛОТОМЪ и КРАСКАМИ на 8-ми листахъ папки, для вырѣзыванія и склеиванія.

6 КОМИЧЕСКИХЪ ГОГОЛЕВСКИХЪ МАСОКЪ 6

ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМИРОВАННЫХЪ ВЕЧЕРОВЪ.

Типичное исполненіе красками по рисункамъ БОКЛЕВСКАГО.

1. Петръ Петровичъ Пѣтухъ. 2. Кувшинное рыло. 3. Коробочка. 4. Довгочхунъ. 5. Собакевичъ. 6. Капитанъ Копѣйкинъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ съ пересылкой 5 руб.; на полгода 3 руб.; за границу 8 руб.

Пробный № высылается за 40 к. почтовыми марками.

Ред. журн. „ЖАВОРОНОКЪ", Петроградъ, Невскій, 114.

Редакторъ-Издатель Н. В. Корецкій

ФАБРИКА мельхіоровыхъ и изъ посеребреннаго серебра издѣлій

Іосифъ Фраже.

Магазинъ онтомъ и въ розницу въ Петроградѣ, — Невскій пр., 22. Телеф. 45—93.

Остерегайтесь подделокъ

Большой выборъ столовыхъ приборовъ, изящныхъ предметовъ для хозяйства и подарковъ.

МАРКИ для коллекціи. Покупка—продажа.

Э. БАДЭ.

ПЕТРОГРАДЪ, Невскій, 34.

Прейсъ-курантъ БЕЗПЛАТНО.

Дешевая библіотека А. А. КАСПАРИ.

Н. Н. Алексѣевъ.

Историческіе романы.

Заморскій выходецъ. Истор. ром. Стр. 272. Ц. 30 к.

Измѣнникъ. Истор. ром. Стр. 128. Ц. 40 к.

Лжецаревичъ. Истор. ром. Стр. 272. Ц. 30 к.

На зарѣ новыхъ дней. Истор. ром. Стр. 216. Ц. 30 к.

Цѣны обозначены съ пересылк.

Выписывающіе всѣ семь книгъ вмѣстѣ платятъ только 2 р. 10 к.

Требованія адресовать Акц. Общ. Издат. А. А. Каспари. Петроградъ. Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

ПРИ ГОНОРРЕѢ,

ПЕРЕЛОѢ, въ острой и хронической формѣ примѣняется средство (для внутренн. употребл.)

„ТІЭЛЕРИНЪ"

доктора медицины женевскаго университета ГОРОХОВСКОЙ.

Цѣна ординарн. флакона (на 10 дней) 1 р. 75 к.; двойного 3 р. безъ пересылки. Для желающихъ обращаться лично: пріемъ отъ 3 до 6 час. веч. Подробное наставленіе при флаконѣ. Отпускается также изъ аптекъ по рецептамъ врачей. Адресъ: Д-ру медицины женевскаго университета Э. М. Гороховской, Москва, Срѣтенка, Даевъ пер., д. № 1 28, кв. № 2 5.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ КНИГЪ

въ Издательствѣ А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., № 114.

Подробный каталогъ высылается безплатно.

Требованія адресовать Акціонерному Обществу Издат. А. А. КАСПАРИ, Петроградъ, Лиговская ул., д. № 114, и Садовая ул., д. № 20.

СОДЕРЖАНІЕ: Ан. Чеботаревская. «День Всѣхъ Святыхъ» (статья).—**В. Брусянкинъ.** «Кончилась фамилія Вергилиныхъ» (разсказъ).—**И. Накатовъ.** «Тѣнь великаго» (публицист. этюдъ).—**А. Ахматова.** Стихотворенія. **Вл. Кохановскій.** «Встрѣча въ лѣсу» (разсказъ)—**З. Н. Гиппіусъ.** «Великій Путь» (статья).—**Евг. Мауринъ.** «Реймскій соборъ» и г-жа Павлова».—**Объ искусствахъ и литературѣ.** «Вѣсти и мнѣнія».—**Ник. Бернштейнъ.** «Музыка», (Вѣнокъ на могилу А. Г. Рубинштейна.)—**Г. П.** «Недѣля войны».

ИЛЛЮСТРАЦІИ: П. А. Бруни. «Солдатъ у костра», «Хевсурка».—**Л. Квятковскій.** «Кавказъ».—**П. Митуричъ.** «Чайки», «Спящіе солдаты».—Заставки раб. художн.: **П. Митурича, Кунса, Д. Митрохина.**—**12 фотоэтюдовъ.**—**Обложка:** «Избіеніе младенцевъ», Матео-ди-Джованни.

Изданіе и типографія Акц. О-ва Издат. А. А. Каспари, Петроградъ, Лиговская, 114. Редакторъ Евг. Мауринъ.